

КИРАН КРАМЕР

Ты прекрасна!

ШАРМ

Шарм

Киран Крамер  
**Ты прекрасна!**

«АСТ»

2015

УДК 821.111-31(73)  
ББК 84 (7Coe)-44

### **Крамер К.**

Ты прекрасна! / К. Крамер — «АСТ», 2015 — (Шарм)

В юности Лейси Кларк мечтала стать кинозвездой, а закончилось все незадавшейся карьерой, несложившейся личной жизнью и возвращением в родные края вместе с единственной отрадой и смыслом своего существования – приемным сынишкой Генри. Однако именно там Лейси встречает знаменитого актера Бо Уайлдера, который, похоже, не просто ухаживает за ней от скуки, но искренне и страстно влюбляется. Но можно ли верить в то, что мужчина, о котором мечтают чуть ли не все женщины мира, действительно подарил свое сердце неудачливой матери-одиночке? Не совершает ли Лейси величайшую в своей жизни ошибку?..

УДК 821.111-31(73)  
ББК 84 (7Coe)-44

© Крамер К., 2015  
© АСТ, 2015

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 6  |
| Глава 2                           | 15 |
| Глава 3                           | 24 |
| Глава 4                           | 30 |
| Глава 5                           | 36 |
| Глава 6                           | 39 |
| Глава 7                           | 45 |
| Глава 8                           | 52 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 55 |

# Киран Крамер Ты прекрасна!

Kieran Kramer  
YOU'RE SO FINE

Печатается с разрешения издательства St. Martin's Press, LLC и литературного агентства Nova Littera SIA.

© **Kieran Kramer, 2015**

© **Издание на русском языке AST Publishers, 2016**

\* \* \*

## Глава 1

Лейси Кларк выросла на Юге, поэтому знала все о Скарлетт О'Хара и Таре и о том, как выжить в трудные времена. В Лос-Анджелесе ей удалось избежать падения на самое дно, но она все равно вернулась домой; причем в таком же положении, в каком и уехала – то есть имея лишь несколько долларов в кармане.

Зато теперь у нее был Генри, ее пятилетний сын.

Она уложила малыша в постель в крошечной комнатухе на маяке, заботливо подоткнула старое лоскутное одеяльце и почувствовала, как ее сердце сжалось от всепоглощающей любви. Любовь была настолько сильной, что Лейси окончательно осознала: она справится со всеми испытаниями, которые приготовила ей жизнь, – ведь у нее была любовь этого малыша.

Генри доверчиво вложил свою ручонку ей в ладонь, а его губки, пухлые и сухие – все же три тысячи миль окно в машине оставалось открытым, – были розовыми как кусочки арбуза.

– Расскажи мне какую-нибудь историю, мама, – чуть хрипловатым голоском попросил Генри.

Дождь лил как из ведра, но диктор по радио сказал, что к утру прояснится, и это была хорошая новость. Даже несмотря на то что ей, Лейси, предстояло начать строительство новой жизни на пустом месте.

– Как насчет истории о храбром маленьком мальчике, который пересек всю страну в старом санитарном автомобиле и все это время жил на пончиках и хот-догах?

– Эй, так это же я! – воскликнул Генри.

– Ну да... – Лейси погладила малыша по волосикам. – Конечно, можешь думать, что это ты, но того мальчика звали Фрэнк. И он был тайным агентом.

Охо-хо... Жаль, что у нее не было навыков тайного агента в Лос-Анджелесе. И она не позволила себе зацепиться за шикарную жизнь, которой жила последние пять лет. Наверное, сразу надо было понять: все это лишь мираж, глупая игра, в которую она продолжала играть. В общем, все было слишком хорошо, чтобы оказаться правдой. Какая мать-одиночка позволит себе подобный образ жизни?

Больше никогда!

– Где наш дом, мама? – Карие глаза мальчика наполнились тревогой. – Ты сказала, что мы можем остаться здесь надолго. Хорошо бы...

– Дом там, где мы с тобой вместе, разве не так? – Лейси ласково улыбнулась сыну. Удивительно, что у нее, такой юной и наивной девушки, оказалась целая бездна мудрости, позволившая ей принять самое верное в жизни решение. Она усыновила младенца – сына ее бывшего голливудского бойфренда. Этот честолобивый актер обманул ее с семнадцатилетней фанаткой и стал «счастливым» отцом.

Генри все еще был встревожен, и Лейси пояснила:

– Мы проведем здесь шесть недель, а потом двинемся дальше.

«Здесь» – это Индиго-бич в Южной Каролине, в самом дешевом из сдаваемых внаем неотапливаемых помещений. Имени Лейси не было в договоре аренды; в нем значилось «Ноуп Каллум» – так подписывался ее последний, теперь уже бывший, бойфренд. Но, как бы то ни было, они с Генри имели крышу над головой.

Что же касается Каллума... Неудачник по уши влюбился в ее бывшую хозяйку Моник, подающую надежды французскую актрису, нанявшую Лейси на должность личной ассистентки. И у Моник, и у Каллума были роли в фильме, снимавшемся в Индиго, но оба послушались зова своих эгоистичных голливудских сердец и сбежали в Италию, где фильм был

рангом выше, а роли – больше и выгоднее. Они поручили своим адвокатам и агентам улаживать последствия со студией. А Лейси оставалось только ругать себя за то, что ничему не научилась, – если иметь в виду интрижки с актерами...

И в результате...

Ох, в какую же сложную ситуацию она угодила. Даже думать не хотелось о том, как много ей предстояло сделать. Следовало найти временную работу и заработать немного, чтобы можно было уехать куда-нибудь в другое место, где цены ниже и где они с Генри смогут начать все сначала.

– Я хочу здесь остаться, – заявил Генри. – Мне здесь нравится.

– Но ты же видел только бензоколонку! – Лейси усмехнулась; сквозь шум дождя она услышала, как хлопнула дверца машины.

– Что это? – Генри наморщил лобик и внимательно посмотрел на нее – точно так же, как тогда, когда она впервые взяла его на руки в больнице. Тогда его большие темно-карие глаза казались не по возрасту взрослыми – ему ведь было всего несколько дней от роду. И он словно понимал, что у него нет ни отца, ни матери, которые любили бы его. «Я люблю тебя больше жизни», – подумала тогда Лейси, безмерно удивив саму себя, и внезапно осознала, что наконец-то нашла свое место, получила свою звездную роль.

– Ну... не знаю... – Лейси нахмурилась. – Видишь ли, я думала, что сюда какое-то время никто не будет приходить. – Она встала с кровати. – Возможно, это доставщик пиццы ошибся адресом. – Внезапно сердце ее тревожно забилося, и она добавила: – Так что не беспокойся, малыш. Закрывай глазки и спи. А я обо всем позабочусь. – Лейси наклонилась и задула свечу на подоконнике. – Спокойной ночи. Обещаю, что утром я закончу историю о Фрэнке.

– Да... – Ребенок зевнул и закрыл глаза. – Спокойной ночи, мамочка.

Лейси закрыла дверь, прошла через свою комнату, смежную с комнатой ребенка, и быстро сбежала по винтовой лестнице, радуясь, что за шумом ливня ее шагов почти не слышно. «Господи, пошли ему спокойные и добрые сны. Пусть его убаюкает дождь», – твердила она мысленно.

У подножья лестницы, на кухонном столе, стояла уютная медная лампа, светившая из-под старого абажура приятным желтым светом. Лейси прошла мимо дощатого стола и услышала сначала чье-то ворчание, а потом – лязг металла о металл. Представив себе страшного убийцу с топором, она судорожно сжала фонарик – первое, что попало под руку.

Спустя секунду Лейси уже стояла у массивной деревянной двери. В двери не было глазка, да и окна рядом тоже не было. Снаружи имелся небольшой навес, но того, кто сейчас стоял под ним, он не мог защитить от проливного дождя.

Лейси почувствовала себя Трусливым Львом, но тут же подумала о Генри, и страх сразу прошел. Теперь она была Индианой Джонсом и Грязным Гарри в одном лице.

– Кто там?! – крикнула она.

– Ради бога, помогите мне открыть этот проклятый замок! – заорал мужчина за дверью. В замочной скважине снова лязгнул ключ, однако дверь оставалась закрытой.

Лейси знала этот голос. Точно знала. Но она не испугалась. Разве что была раздражена.

Хм... откуда она знала этот голос? А что, если...

Лейси нахмурилась и прокричала:

– Вы ошиблись адресом! Это частное жилье!

– Да, я знаю. Поторопитесь, пожалуйста. Козырек не спасает от дождя, а эта сумка от Луи Виттона совсем не дешевая.

Мужчина говорил с безмятежностью настоящего южанина, не забивавшего себе голову грамматикой. На Юге и джентльмены, и неотесанная деревенщина – все точно знали: истинная ценность человека определяется вовсе не его выговором, а также не счетом в банке или

именами предков. Главное – умение держать в руках ружье, пить бурбон и рассказывать захватывающие истории.

Немного успокоившись, Лейси проговорила:

– Мне очень жаль, что вам так плохо, но я вас не впущу в дом. В наши дни ни один разумный человек не откроет дверь незнакомцу. – Тем более женщина, у которой наверху спит ребенок.

Лейси не выпускала из рук фонарь. Если этот мужчина вломится в дверь, она стукнет его по голове.

– Вы считаете, что маньяк стал бы тратить время на беседу с вами? Послушайте, вы не можете оставить меня на улице! Я промок и заболел. Или уйду – и заблужусь...

– Ничем не могу помочь, сэр. Я же сказала, что не впущу вас. Уходите – или я позвоню в полицию. Так что лучше смывайтесь, пока не поздно.

– Смываться?.. – Мужчина изо всех сил ударил по двери, вероятно – ногой. – Хм... и правда. Еще немного воды на мою голову, еще немного унижений – за последние дни я вынес их немало, – и меня и впрямь можно будет смывать.

У Лейси была своя собственная невеселая история, поэтому она вовсе не собиралась ему сочувствовать. Но почему-то посочувствовала. Все мужчины-южане знали, как разговаривать с женщинами – это у них в крови.

«Не дури! Будь твердой!» – прикрикнула она на себя.

– Вам следует вернуться в машину, – сказала Лейси. – Меня не касается, как сильно вы промокли и... В общем, ясно, да? Когда, наконец, вы, мужчины, станете отвечать за свои поступки? Почему вы всегда ждете, что женщины окружают вас материнской заботой? Надоело, ей-богу! – Она тяжело дышала, и ее южный выговор стал более заметным.

– Не надо переносить свои напасти с мужчинами на меня, девушка. И лучше было бы оставить в покое мою мать. – Снаружи блеснула молния, и тут же раздался оглушительный удар грома. – А теперь... Откройте, наконец, эту проклятую дверь!

Лейси судорожно сглотнула. Черт бы побрал эту предательскую дрожь в коленках! Она опасалась молнии. И не желала нести ответственность за человека... поджаренного на ее пороге. Но она не поддастся панике. Не могла себе этого позволить.

– Ваши ключи не открывают дверь, – сообщила она, – потому что вы перепутали адрес. Этот дом арендую я. – Ложь, конечно... Но не следовало забывать, что она, Лейси, являлась бывшей любовницей, которой абсолютно некуда идти.

– Вот именно! – воскликнул незнакомец за дверью. – Не открывают! А я ведь приехал к Каллуму!

Глаза Лейси округлились.

– Вы знаете Каллума?.. – пробормотала она.

– Разумеется, я его знаю. Иначе какого черта я бы здесь делал? А вы-то знаете его?

– Да, но... – Каллум жил на западном побережье. Местные жители его не знали. Если только не имели отношения к кино.

Лейси тяжело вздохнула. Она-то надеялась как можно дальше удалиться от кино... и всей суматохи, с ним связанной.

– Эй, леди?! – послышалось из-за двери.

– Да, слушаю, – пробормотала Лейси. Интересно, что он теперь скажет, чтобы убедить ее открыть дверь?

– Я же говорю вам!.. – Теперь в голосе незнакомца появились нотки угрозы. – Я совершенно не собираюсь тащиться в паршивый клоповник, по недоразумению названный гостиницей «Бич-Бам-инн», и разбираться со всей этой чертовщиной утром. Мне необходимо как можно раньше приступить к работе, а для этого я должен выспаться. Каллум сказал, что

здесь никого нет и я могу чувствовать себя как дома. И я намерен сюда войти. С вашего разрешения – или без него. И с ключами или без них.

Лейси вздохнула.

– Я впущу вас, – сообщила она, – но только на минуту.

– Давно пора.

Дрожащими руками – но готовая в любой момент дать отпор – Лейси открыла дверь. Прямо у нее над головой полыхнула молния. А удар грома был так силен, что заложило уши.

– Добро пожаловать в мое жилище, – сказал незнакомец и решительно прошел в дом, вернее – проскочил как грузовой поезд без тормозов, несущийся вниз по склону. На мужчине были старые джинсы, дорогие ботинки и коричневая куртка с поднятым воротником – чтобы вода не заливалась за шиворот. Под курткой был вязанный жилет отвратительного горчичного цвета с кожаными пуговицами, а также рубашка с расстегнутым воротом.

Незнакомец был примерно того же возраста, что и она, и он прямо-таки кипел от злости; это стало совершенно очевидно, когда он повернулся и пристально уставился на нее. Его красивое лицо с высокими скулами было залито водой, стекавшей с провисших полей мягкой фетровой шляпы.

У Лейси на мгновение остановилось сердце – ведь это был...

Да-да, это был Бо Уайлдер! Тот самый Бо Уайлдер! Суперзвезда! Он снимался сначала в комедиях и боевиках, потом – в триллерах, исторических и приключенческих фильмах. В Голливуде теперь почти не ставили романтических комедий, но если такой фильм появлялся, то героя-любовника в нем играл только Бо Уайлдер.

– Черт побери... – пробормотала Лейси в растерянности.

– Да, понимаю, – буркнул гость. Он давно уже не брился, но все равно был красив как Ральф Лорен<sup>1</sup> – высокий, широкоплечий, импозантный. Пожалуй, даже изысканный и элегантный – таким бывает вспотевший и покрытый пылью мускулистый конь, выигрывающий дерби в Кентукки.

Шок и – чего греха таить? – благоговение быстро сменились негодованием. Ведь у мужчины были красные глаза, и от него разило перегаром.

– У меня для вас плохие новости, мистер Уайлдер. – Голос Лейси слегка дрогнул, но она все же смело заявила: – Это не ваш дом, ясно?

– На следующие два месяца – мой, – отрезал гость и уронил сумку на пол – при этом явно постарался уронить ее так, чтобы она не попала в лужу, успевшую скопиться под его башмаками. – Я отдал Каллуму четыре места в первом ряду на игру «Лейкерсов»<sup>2</sup>, чтобы получить это жилье. Это коммерческая сделка, ясно? И у меня есть права.

– Вы же не думаете, что я куплюсь на это? – пробурчала Лейси. – Место, где мы сейчас находимся, называется маяк, а не суд. Я не преступница. А вы пьяны! – добавила она, нервно переступая с ноги на ногу.

Гость неожиданно обрадовался, и его глаза засветились зеленовато-золотистым светом – как болотная трава, на которую упал луч солнца.

– Черт меня подери! – воскликнул он. – Да ведь вы – та самая горячая штучка из «Инопланетян на мотоциклах»!

Вышедший на экраны пять лет назад фильм сразу стал хитом, но не в лучшем смысле слова. Поэтому Лейси больше не была натуральной блондинкой.

– Со мной эти сексистские штучки не проходят, мистер Стад Маффин<sup>3</sup>, – пробурчала она.

---

<sup>1</sup> Американский модельер, дизайнер, предприниматель, один из богатейших людей в мире.

<sup>2</sup> «Лос-Анджелес Лейкерс» – американский профессиональный баскетбольный клуб.

<sup>3</sup> «Стад Маффин» – порнографический журнал для геев.

– Грета, это же комплимент! – воскликнул Уайлдер.

Лейси тихонько вздохнула. Пусть сейчас он для нее – заноза в заднице, но, боже правый, какой мужчина! И к тому же видел ее фильм... Тело Лейси помимо ее воли отреагировало на новую энергию, исходившую от гостя. Увы, приходилось признать, что ей – да-да! – всегда нравились плохие парни. Действительно плохие. Не те, которые бунтовали, чтобы привлечь к себе внимание, а те, что выступали против системы, потому что были слишком умны, чтобы долго терпеть скуку, и слишком эгоистичны, чтобы упустить возможность развлечься. Как и она...

Но с нее хватит! Хватит плохих парней и волнений, которые они принесли в ее жизнь. Ради Генри она решила научиться скучать. И в этом, наверное, тоже что-то есть...

– Сейчас вы выглядите как героиня из «Я люблю Люси»<sup>4</sup>, – заявил гость. – Но на самом деле вы все еще Грета Гильденстерм. Вы никуда не спрячете эти свои глаза и эти... эти...

Уайлдер смотрел на нее так, словно она была лакомым десертом, а он – ложкой, чтобы ее съесть. Наверное, это должно было показаться лестным. Да только она уже покончила со всей этой мишурой и этими людьми – пусть даже с такими уникальными индивидами, как Бо Уайлдер.

– Ее звали Люси Рикардо, – почему-то пробормотала Лейси и нахмурилась. Она отказывалась говорить о своей героине в «Инопланетянах». И будет отказываться вспоминать о ней до своего смертного часа. Даже после смерти, если такое возможно. Более того, она будет являться в кошмарах всем тем, кто осмелится соединить ее и Грету Гильденстерм.

– Она всегда будет для меня «Я люблю Люси». – Этот мужчина был щеголеватым, немного пьяным... и чертовски привлекательным. Ну и, ясное дело, плохим парнем.

О боже! Хуже не придумаешь.

И еще он был лучшим в мире актером.

Лейси скрестила руки на своих пышных грудях, которые в свое время наотрез отказалась уменьшить. А зачем? Ей и так вполне комфортно, спина не болит. Не ее вина, что Господь создал ее именно такой. К тому же она панически боялась докторов, скальпелей – и вообще всего связанного с медициной (включая лейкопластыри и «вишневые подушечки» от кашля, которыми однажды подавилась, когда ей было пять лет).

Так что скорее ад замерзнет, чем она согласится на уменьшение груди.

– Хотелось бы кое-что уточнить, – сказала Лейси. – Если вы встретите человека, похожего на Теодора Кливера, то скажете, что он выглядит как «Проделки Бивера»? Разве в этом есть смысл?

Но Уайлдер, казалось, не слышал ее.

– Вы были в центре внимания, дорогая. Сексапильная брюнетка вылила целый кувшин «маргариты» на голову Каллума в ресторане, когда он сидел рядом с Моник Бонне. Только не говорите, что вы хотели разлучить этих влюбленных голубков. Они заслуживают друг друга. – Уайлдер достал из кармана мокрую сигару, поднес ее к губам и ухмыльнулся. – «Инопланетяне» и Грета Гильденстерм в тот день побили все рекорды популярности в «Твиттере».

Но не Лейси Кларк. Никто не знал ее настоящего имени – ведь она не являлась известной актрисой, не была «незабываемой» – так... одной из многих. – Она даже не получила приглашения ни в одно более или менее престижное голливудское реалити-шоу, скажем, из списка А или Б. Скорее всего, она значилась в списке Н – то есть в списке неудачников. Были и другие, более грубые слова для определения ее актерской карьеры, но она – леди и не станет их употреблять.

---

<sup>4</sup> «Я люблю Люси» – популярный телесериал. Имя главной героини – Люси Рикардо.

– Можете катиться ко всем чертям, – заявила Лейси, мотнув головой в сторону открытой двери. – И по дороге выкурите свою мерзкую сигару.

Гость нахмурился, а мокрая сигара полетела под дождь.

– А вы умеете испортить человеку настроение, – проворчал он.

– Между прочим, я ни вам, ни вам подобным свое общество не навязывала!

– Мне подобным?

Бо Уайлдер явно не считал, что он один из многих. Конечно же, он явно был из тех богатых и привлекательных мужчин, которые называли себя Актерами – это слово Лейси не могла произносить, не приходя в ярость. Она не станет об этом говорить. Подобные люди слишком заносчивы, чтобы понять ее.

– Каллум, возможно, тупой осел, – продолжал Уайлдер. – Но я – не Каллум. Так что оставьте свои замашки из серии «Я ненавижу мужчин», пока не встретите мужчину, который действительно вас обидел. Хорошо?

– Ладно... – Лейси ощутила слабый укол вины, но вовсе не из-за Бо Уайлдера. Он всего лишь напомнил ей, что Каллум слишком легко отделался. – Я постараюсь не замечать ваших недостатков и даже приготовлю вам чашку кофе. – Возможно, ей удастся выяснить, насколько хорошо он знал Каллума. – Но потом вы уйдете. А если вы недостаточно трезвы, чтобы вести машину в течение тридцати минут, то я позвоню шерифу. И тогда вас доставят по назначению. Вот в «Твиттере» обрадуются. Кстати, можете войти в него прямо сейчас и сообщить, что ехали сюда в состоянии сильного алкогольного опьянения.

Дождь не прекращался, хотя уже начал ослабевать. Лейси пожала плечами.

– Я не вел машину, – буркнул Уайлдер. – И я никуда не уйду. Да, кстати... Я не общаюсь в «Твиттере». Этим занимается моя ассистентка. – Он подошел к двери и крикнул: – Спасибо, куколка! – И послал воздушный поцелуй.

Послышался автомобильный гудок, затем – шум взревевшего двигателя.

– Эй, подождите! – Лейси метнулась мимо него к двери. – Там ваша ассистентка? – В тусклом свете лампы над крыльцом она увидела пышную прическу за стеклом водительского сиденья массивного белого «форда». Разбрасывая из-под колес песок, машина сорвалась с места. Благодаря очень большим колесам и высокой раме плохая дорога не являлась для этого пикапа препятствием.

«Все-таки странно... – подумала Лейси. – Почему так много девиц предпочитает носиться на гигантских машинах?»

За ее спиной Бо Уайлдер проворковал:

– Можете называть ее ассистенткой, если хотите. В сущности, последние двадцать четыре часа она исполняла свои обязанности... некоторые.

– О ч-черт... – проворчала Лейси.

А Уайлдер ухмыльнулся и добавил:

– Люблю женщин, которые водят машину так, словно удирают от чертей в аду. И еще умеют готовить. На завтрак – домашние лепешки и ветчина. А еще – персиковый джем ее мамы. Оч-чень сладко...

Этот тип явно имел в виду не джем – в том не было никаких сомнений.

Лейси все происходящее ужасно надоело, и она заявила:

– Вам придется идти пешком. Хотя можете отправить эсэмэску вашей ассистентке – чтобы заехала за вами. Если ее не будет здесь через полчаса, я вызываю полицию.

Уайлдер достал телефон.

– Не советую, дорогая. Это вы нарушаете закон, а вовсе не я. – Он набрал номер и прижал телефон к уху.

– Кому вы звоните? – Сердце Лейси на мгновение замерло.

– В офис шерифа, конечно. – Его лицо оставалось невозмутимым.

– Нет! – Она попыталась отобрать у него телефон, но ничего не вышло.

– Почему же, дорогая? Вы ведь все равно собирались туда звонить...

– Мы можем договориться, – выпалила Лейси, слишком поздно сообразив, что он только сделал вид, что звонит. – Зачем сообщать об этом деле властям? – добавила она, глядя на него пристально.

– Думаете, не надо? – спросил Уайлдер с усмешкой.

Лейси молчала; при этом стояла, подбоченившись и чуть отставив левую ногу.

Уайлдер же окинул ее суровым взглядом и, убрав телефон в карман, добавил:

– Кажется, в прошлой жизни вы были учительницей первоклашек. Сейчас вы выглядите в точности так же, как миссис Биддл. Это из-за нее я по сей день ненавижу дневной сон и молоко в маленьких картонных коробочках.

– Надо полагать, вы все время болтали. Я угадала? Или были озорником, который имел обыкновение прятаться на детской площадке после звонка на урок?

– Не заговаривайте мне зубы. Вы же сами только что хотели вызвать полицию. Почему передумали?

Лейси ощутила жар, заливающий лицо и шею.

– Вовсе я не передумала. У меня есть договор об аренде. У вас его нет. Так что ваш утешительный приз – чашка кофе. А потом вам придется отсюда убраться.

– Так вот, юная леди!.. – Он расстегнул куртку и достал из ее недр пластиковый пакет из продуктового магазина, в котором лежало что-то продолговатое. – Я нахожусь именно там, где должен находиться! А вы, между прочим, весьма привлекательная... Когда не злитесь, конечно. И обратите внимание: я изо всех сил пытаюсь быть терпеливым. У меня есть с собой стейк, и я намерен его приготовить. А потом сяду и буду наслаждаться своим новым жилищем. Я... и «Джим Бим»<sup>5</sup>. – Бросив пакет на стол, Уайлдер достал из другого кармана плоскую фляжку, сбросил мокрую шляпу и сделал большой глоток из фляги. – Уж простите, но вы не приглашены. Хотя можете попробовать уговорить меня – возможно, передумаю. – И он окинул ее своим знаменитым экранным взглядом первого любовника.

– Забудьте об этом, – буркнула Лейси.

– Вы серьезно?

– Абсолютно.

Их взгляды встретились, и на долю секунды Лейси показалось, что он прочел в ее глазах все тайные мысли, которые она так тщательно старалась скрыть. А затем он двинулся к ней – шагал медленно и осторожно. Лейси не сомневалась: физическая опасность ей не грозила. У него была походка человека не вполне трезвого, но вовсе не агрессивного. Более того, он приближался к ней с тем же выражением лица, с которым шел к несчастной больной лошади из единственного в своей актерской карьере вестерна.

Лейси вскинула подбородок. Не было никаких оснований ее жалеть! У нее все прекрасно! Голова на плечах имела, и это позволило ей пройти через мясорубку самого безумного города на западном побережье и выйти из этого испытания... не совсем сломленной. А ведь этот город перемалывал даже очень крепких людей...

Но только голливудское безумие не сравнится с южным безумием. Поэтому она, Лейси, справится со всеми испытаниями, в том числе и с этим мужчиной.

Тут Уайлдер вдруг остановился и проговорил:

– Если вы надеетесь на появление Каллума... Боюсь вас огорчить, но он не приедет. Впрочем, вы можете составить компанию мне... на ближайшие часы. Бедняжка, наверное ваше сердце разбито. – Он легонько коснулся кончиком пальца ее подбородка. – Может, именно это – причина вашей раздражительности?

---

<sup>5</sup> Самый продаваемый в мире бренд бурбона.

Лейси сделала шаг в сторону и дрожащими руками расправила салфетки на столе. Веселенький рисунок – танцующий синий краб и креветка. Генри они очень нравились.

– Мое сердце в целостности и сохранности. – Она взглянула на Уайлдера в упор. – А вы, оказывается, бабник. Эта черта в мужчине представляется мне отталкивающей. Кстати, откуда вы знаете Каллума?

– Он с достойным лучшего применения упорством постоянно сталкивается со мной в спортзале. Говорит, что хочет, как и я, поднимать тяжести. Но он слишком занят целованием моей задницы и забывает о спорте. Буквально преследует моего агента, страстно желая попасть в ближний круг.

– Потому он и дал вам ключи от этого дома?

– Возможно. Но я отдал ему билеты на «Лейкерсов», поэтому не считаю, что чем-то ему обязан. И я не собираюсь рекомендовать его своему агенту. А что вы здесь делаете?

Лейси невольно вздохнула. Что ж, он ей все объяснил и теперь имел право задавать вопросы.

– Он остался мне должен, – ответила она.

– Разве вы не отомстили ему тогда в ресторане?

– Да что вы об этом знаете?! – Лейси одарила собеседника самым испепеляющим взглядом из своего арсенала. – И вообще, мне не нужны здесь актеры. – Ей нужен был здоровый сон, соленый воздух, ветер... и Генри. И, конечно же, ей требовалась работа.

– Кто, кому и где нужен – вопрос спорный. В любом случае вы здесь не останетесь.

– Еще как останусь, – заявила Лейси с непоколебимой уверенностью, которой не чувствовала. – Пусть вы – кинозвезда, но я сюда приехала первая. По закону это имеет значение. Вам придется применить силу, чтобы выкинуть меня отсюда, или потратить много времени на выселение по решению суда. Представляю себе газетные заголовки...

Уголки его рта дернулись.

– Ваша проблема, Грета, в том, что вы переигрываете. Это свойственно всем южанам. Нам всем свойственно стремиться к сказке. И не важно, откуда ты появился – со стороны трейлеров или из шикарного особняка. Это у нас в крови. Но есть один секрет: если хочешь добиться чего-то в Голливуде, надо поглубже упрятать свое сердце. Мне проще. У меня такого органа вообще нет.

– Не надо устраивать здесь театр одного актера. – Лейси поморщилась. – У вас есть сердце. Оно имеется у всех. Вы бы не смогли столь блистательно сыграть множество ролей, если бы его у вас не было.

– Хотите сказать, что я хорош в своем деле?

– Нет. – Лейси невесело хохотнула. Он что, дурачится? Она ни за что не скажет ничего подобного – тем более сейчас, когда он заявил, что вышвырнет ее из дома. – Я только хочу сказать, что, возможно, понимаю, почему вы заколачиваете огромные деньги.

Лейси снова поморщилась. Она не сказала абсолютно ничего смешного и потому ужасно разозлилась, когда Уайлдер вдруг рассмеялся.

Взяв сковороду, висевшую над мойкой, он подбросил ее, поймал над самой плитой и поставил на конфорку.

– Я не привык делиться, мисс Грета, – заявил он и снова рассмеялся.

«Большой ребенок», – подумала Лейси, но эта характеристика не соответствовала его умелым действиям в кухне, хотя... Возможно. У него случайно все так ловко выходило.

Уайлдер зажег газ – под сковородой появилось яркое синее пламя – и проговорил:

– Этот ваш маяк располагается в стороне от людных мест и... знаете ли, здесь есть место только для одного человека – для меня. Я всегда жарю стейк вечером, накануне начала работы над новым фильмом. И всегда даю дамам с разбитыми сердцами дополнительное

время, по крайней мере до утра. Особенно в тех случаях, когда они склонны к сотрудничеству. Так что вы успеете собраться.

Он посыпал сковороду солью, потом развернул стейк, то есть просто взял пакет за один край – и вывалил мясо на сковороду.

Почувствовав восхитительный запах жареной говядины, Лейси поняла, что голодна. Последнее время она старалась есть поменьше, чтобы сэкономить деньги на качественную еду для Генри. Сегодня она приготовила ему яичницу, и после этого осталось только три яйца, так что она отложила их ему на завтра, а сама съела лишь сэндвич с арахисовым маслом.

– Значит... – Лейси в возмущении фыркнула. – Значит, по вашему мнению, солнце всходит только для того, чтобы услышать ваше карканье... или кукареканье, мистер Уайлдер? Но хватит с меня ваших разговоров! Если вы всерьез решили остаться, я иду наверх. И не смейте курить в доме, оставлять плиту включенной, бросать грязную посуду в мойке и расхаживать по дому голым. Предупреждаю, у меня есть кольт сорок пятого калибра, и я не побоюсь им воспользоваться!

С этими словами она гордо развернулась на пятках, отчаянно надеясь, что этот мужчина поверил ее лжи относительно оружия. И, конечно же, она не скажет ему и о кетчупе «Хайнц», который накануне нашла в буфете. Пусть жрет свой проклятый стейк без приправ!

## Глава 2

Бо, конечно, был немного пьян, но он видел, что Лейси Кларк не играла, когда изображала Грету – она действительно была ею, такая обожженная южным солнцем версия Кейт Аптон с небольшой примесью Мэрилин Монро и, наверное, Шер. Да, конечно, в ней было что-то от многословной Шер. Сексапильная штучка. От нее так и веяло чувственностью. Такую женщину любой мужчина захотел бы видеть в своей постели. Вовсе не вешалка. У нее достаточно мяса на костях, а лицо... Такое лицо лишит покоя даже столетнего старика. Надменная и заносчивая красotka, а в следующий момент – невинная деревенская девочка.

А какая непредсказуемость!.. Никогда не знаешь, каким будет ее следующий шаг. Такая женщина заставляет мужчину ждать... А чего, собственно, мужчина может от нее ждать? Вероятно, чего угодно. Но какому мужчине не нравится привкус интриги?

Да, необычная женщина. Но ему такая не нужна. Так что лучше уж сосредоточиться на приготовлении стейка. Запах жареной говядины напоминал об отце – тот каждую пятницу требовал на ужин огромный кусок филе. Бо помнил, как Теу резал мясо, стуча ножом и вилок по любимым фарфоровым тарелкам мамы.

– Вам достанется маленькая комната, – сказала Грета, подходя к лестнице. – Я заслужила большую – годами тяжелого труда, оставшегося неоцененным. А вы здесь только потому, что достаточно богаты для покупки билетов на «Лейкерсов».

– Пойдет, – кивнул Бо, даже не взглянув на женщину. Он чувствовал ее возмущение и чувствовал исходящую от нее энергию. Хм... возможно, она рассматривала его задницу. Женщины часто уделяют ей повышенное внимание. – Знаете что... – Бо резко развернулся и уставился ей в глаза.

Лейси порозовела.

– Что?.. Что-то еще?

– Вы не будете тут командовать – даже не надейтесь! Возможно, я сегодня слегка перебрал с виски – разве что самую малость, – но у меня есть столько же прав находиться здесь, сколько и у вас. Боле того, подозреваю, что даже больше. – Мистер Уайлдер снова повернулся к сковороде. Краем глаза продолжая следить за девушкой, он добавил: – Ну, что скажете?

– Думаю, завтра на рассвете за вами приедет лимузин, чтобы отвезти на студию, – презрительно фыркнув, проговорила Лейси.

– Не угадали! – Бо весело рассмеялся. – До студии я доберусь бегом.

– Но ведь это... несколько миль отсюда.

– Ничего, я захватил с собой кроссовки.

– Звезды не бегают на съемочную площадку.

– Я – бегаю. – Он перевернул стейк. – Вы слишком долго вращались в испорченной голливудской тусовке, мисс Гильденстерм. Это наложило на вас отпечаток.

Лейси сделала несколько шагов к собеседнику.

– Но ведь вы и есть та самая «испорченная голливудская тусовка». Я читаю газеты, мистер Французский Замок.

– Вы меня уличили. Я – настоящий сукин сын, когда приезжаю туда. Слуги обязаны называть меня «месье» и жарить стейки по-американски с французскими трюфелями. Они это ненавидят.

Лейси неопределенно хмыкнула – вероятно, не нашла слов.

Бо мысленно улыбнулся. Ох, как же ее легко разозлить!

В следующее мгновение она взбежала, нет – взлетела вверх по лестнице. «Гибкая и светлая» – именно эти слова пришли ему на ум. А забавно... Думая о Грете Гильденстерм, он употреблял совсем другие прилагательные – чувственная и темная.

Отец после ужина со стейком, как правило, удалялся в библиотеку и закрывал за собой дверь. А наутро он, Бо и его лучший друг Рикки шли в лес на охоту или просто на долгую прогулку.

Маленькие ритуалы. Они заставляют тебя чувствовать что-то хорошее, надежное, безопасное... Но, увы, в конечном итоге ничего не значат.

Бо положил мясо на тарелку, нашел лист фольги, завернул его – и сунул в холодильник. К дьяволу стейк! К дьяволу все, кроме новой работы, которая должна была стать... редкостным дерьмом, и с этим ничего не поделаешь.

Бо вымыл сковородку, выпил два стакана воды из-под крана – удивительно вкусной – и минут пять расхаживал по кухне, методично открывая и закрывая ящики, бессмысленно таращась на их содержимое, а также на обои, стол и старую лампу, которую, кстати, вполне можно было бы выключить. Потом он прошел мимо винтовой лестницы и вошел в полутемную гостиную, освещенную только лунным светом, каким-то образом пробивавшимся сквозь гроззовые облака.

Он сел на диван, протестующе заскрипевший старыми пружинами, откинулся на спинку и несколько минут глубоко и ровно дышал, закрыв глаза и думая... ни о чем и обо всем сразу. В мозгу теснились образы: Иможен, старая верная подруга, никогда не устававшая о нем заботиться; темноглазая Грета Гильденстерм из сериала, а также – ее подправленная версия в жизни, более вспыльчивая и раздражительная, чем политик, ожидающий парламентских слушаний. И еще – проклятье! – предстоящий фильм...

Подумав о старом контракте, связавшем его по рукам и ногам, Бо тяжело вздохнул. Похоже, ничего нельзя сделать. Или можно?.. Быть может, его агент прозаседает всю ночь с адвокатами и разработает план спасения?

Телефонный номер Бо помнил наизусть.

– Эй, Сьюзен... – проговорил он, когда она наконец ответила.

– Слишком поздно! – немедленно выпалила Сьюзен. – Мы прочесали весь контракт густым гребнем, но ничего не обнаружили, ни одной зацепки.

Бо услышал веселые голоса ее дочерей – одиннадцатилетних близняшек.

– А если я разорву контракт?..

– Получишь серьезные проблемы с законом. И сольешь некоторых студийных старожилов, в том числе – нескольких режиссеров. Возможно, они больше не снимают, но их мнение оказывает существенное влияние на молодых. Так что лучше забудь.

– Убить бы этого Рэнди.

– Он и так уже труп. Что, не помнишь?

– Да, знаю. – Бо чувствовал себя идиотом, испытывая столь сильную ненависть к покойнику. Но с другой стороны... Ведь только клинический идиот мог позволить своему бывшему агенту подложить ему такую свинью.

– Не ругай себя, – раздался в трубке голос Сьюзен. – Ты был молод, честолобив и наивен. Ты же знаешь, в этом бизнесе случается всякое. Тебе просто не повезло.

– Я должен был обдумать каждое слово. – Отец тогда предложил оплатить юриста, который проверил бы контракт, но он, Бо, отказался – не желал ничего получать от отца, считал, что сам в состоянии разобраться со своими делами.

– Повторяю: забудь, – снова послышался голос Сьюзен. – Ведь это всего шесть недель.

– Шесть недель ада, – проворчал Бо. – Кроме того, есть один нюанс... Я хочу поспешить в аэропорт, чтобы завоевать девочку. Или все разрушить. Ну... ты же знаешь...

– Мы не всегда получаем то, чего хотим.

Бо вдруг подумал о своей неожиданной соседке.

– Эй, Сьюзен, послушай... Ты когда-нибудь слышала об «Инопланетянах на мотоциклах»? Там есть персонаж – Грета Гильденстерм.

– Что-то припоминаю, но смутно. Кажется, я слышала об этой актрисе, но сейчас не могу вспомнить, кто она и в чем там было дело. А почему ты спрашиваешь?

– Просто интересно. Она здесь. Так вышло, что мы оказались в одном доме. По крайней мере на сегодня. Это – дом-маяк. Вышла большая путаница.

– Вы живете на маяке? Вместе? – Сьюзен насторожилась. – А она... тоже снимается?

– Ух, прости, подруга, я должен идти. Чайник на плите закипел. – Бо отключился и, весьма довольный собой, убрал телефон в карман. Ничего, пусть Сьюзен немного помучается...

Он бы предпочел помучить Рэнди – и вовсе не немного. Ох, не следовало принимать абсолютно все, что тот говорил, за чистую монету. Но Рэнди казался таким знающим, таким смекалистым... А его агентство проводило все контракты через юридическую фирму, много десятилетий работавшую в индустрии развлечений Лос-Анджелеса. В общем, придраться было не к чему.

Но только Рэнди ни словом не обмолвился о небольшом дополнении, согласно которому он, Бо, тогда начинающий актер, обязан был в течение восьми лет сделать фильм с экспериментальной продюсерской компанией под названием «Уилбур Изз».

И вот теперь... Бо на прошлой неделе получил весьма странный сценарий от «Уилбур Изз» и, как обычно, отослал его обратно, недоумевая, – мол, какого черта они к нему пристали. И на этот раз компания не приняла отказа – заявила, что он будет сниматься в фильме под названием «Цветы от сердца».

Одно только название заставляло Бо скрипеть зубами от злости. Но если он скажет «нет», то нарушит давно подписанный контракт. И теперь ему некуда было деваться – разве что сигануть со скалы.

Бо взял сумку, брошенную у двери, и медленно пошел вверх по винтовой лестнице к комнате с широко открытой дверью. Выключатель на стене оказался с характером. Но в конце концов он все же включил старую лампу – кораблик в бутылке, отбросившую широкую дугу света и теней на скошенный потолок. Двухспальная кровать, покрытая старым лоскутным покрывалом, напомнила ему о годах юности. «Надо не забыть, что на этой развлекательной линии нельзя заниматься безумным сексом», – подумал он. Иначе дело могло бы закончиться серьезной травмой.

Еще одна дверь, расположенная рядом с его комнатой, была чуть приоткрыта. Бо вошел туда, осмотрел крошечную ванную комнату и честно попытался восхититься ее старомодным шармом. Он не считал себя снобом, хотя и любил удобства. А тот старый дом, в котором он вырос... В общем, эта ванная вполне его устраивала.

Сама же ванна, беловато-серая, с пятнами ржавчины, стоявшая на причудливо изогнутых ножках, занимала целую стену. А над ней свисала с потолка белая пластиковая занавеска, вероятно, купленная в магазине, где все по одному доллару.

Бо представил за этой занавеской обнаженную Грету – и помотал головой.

Нет-нет, подобные мысли сейчас совершенно неуместны! Он заставил себя думать о неуютимых тружениках – смотрителях маяка, которые жили здесь годами. Им приходилось беспокоиться об опасных мелях и шквалистых ветрах, о сохранности лодок. Им было не до женщин – следовало заниматься делом.

И он тоже будет заниматься делом.

Через несколько минут, уже проваливаясь в сон, Бо пробормотал:

– А эта Грета... она ураган, а не женщина...

«С чего это тебя так разобрало?» – спрашивала себя Лейси, на следующее утро, глядя в зеркало. Она аккуратно нанесла на губы ярко-розовую помаду, а затем подвела глаза в стиле Софи Лорен, используя жалкие остатки туши для ресниц. После чего зачесала волосы назад и собрала их в высокий хвост, закрепив лентой с монограммой «Л» – подарком самой себе из магазина аксессуаров для детей. И, наконец, надела золотые сережки, крупными кольцами, свой любимый желтый сарафан и золотисто-кремовые сандалии из крокодиловой кожи, доставшиеся ей от Моник.

Лейси сама делала маникюр и педикюр – в этом она была мастерица. Ногти на руках и ногах у нее всегда были идеальными – скорректированные в форме изящных овалов и покрытые одинаковым розовым лаком. Они смотрелись замечательно. Обычно она пользовалась дешевым лосьоном, и он ее вполне устраивал, но сегодня ей захотелось воспользоваться кокосовым маслом, одной чайной ложки которого хватало надолго, если расходовать экономно.

Лейси нравилось хорошо одеваться и выделяться из толпы, но она вовсе не была тщеславной – просто любила яркие цвета и веселье. Любила то, чего так тщательно избегала ее мать Шина.

Спустившись в кухню она стала выдвигать ящики и открывать дверцы шкафчиков в поисках кофе, решив, что ее нынешнее раздражение объяснялось нехваткой кофеина. Истина, однако, заключалась в том, что она ужасно злилась на себя. В эту ночь ей приснился Бо Уайлдер – не реальный Бо Уайлдер, конечно, а причудливое смешение его киногероев. Это был совершенно невероятный, но очень приятный сон, в котором они занимались любовью.

Лейси проснулась, ощущая пульсирующую тяжесть внизу живота; и она не могла думать ни о чем, кроме потрясающего киношного мужчины – горячего и страстного, сексуального и заботливого, желавшего только ее. Проснувшись, Лейси села в кровати и нахмурилась, внезапно осознав, что она отчаянно одинока. Да-да, одинока – даже несмотря на то, что у нее был Генри.

Тут Лейси вспомнила, что хотела позвонить матери и сообщить о своем приезде – ведь Генри нужна бабушка, не так ли?

Стоя у кухонного окна, она несколько минут в задумчивости наблюдала, как волны монотонно накатываются на берег. А потом позвонила матери.

– Алло? – послышалось в трубке. Если бы женщина на известной картине «Американская готика» могла сойти с полотна, то это была бы мама Лейси.

– Привет, Шина, это я, Лейси. – Она в миллионный уже раз подумала: как ее унылой матери могли дать столь экстравагантное имя – Шина? И почему мать требовала, чтобы дочери называли ее по имени?

Надолго воцарилась тишина. А потом послышался металлический лязг – кажется, мать поставила сковородку в раковину и спросила:

– Все в порядке?

Лейси с облегчением вздохнула.

– Да, все нормально. – Она не сводила глаз с линии горизонта – там море встречалось с небом. – У меня новости. Мы с Генри приехали... в эти места. Возможно – навсегда.

– Правда?

– Да. Хватит с нас Калифорнии.

– Я рада. – В голосе Шины не было никаких эмоций. Ни намек на них. – Где вы?

Лейси помедлила с ответом. Ведь пока что ничего не изменилось.

– Ну... пока в Индиго-бич. – Возможно, когда-нибудь ее мать проснется и одарит ее материнской любовью.

– Это недалеко от нас. Сколько вы там пробудете?

– Шесть недель. Наверное...

– Понятно. А потом?

– Не знаю. Но это место ничуть не хуже любого другого. Здесь тоже можно начать новую жизнь.

Последовала долгая пауза и тяжкий вздох.

– О, Лейси, я беспокоюсь за тебя. – Слова эти прозвучали скорее как критика или осуждение.

– Не стоит беспокоиться. Я достаточно разумна, так что справлюсь. – Немного помолчав, Лейси спросила: – А где Уолт?

– В мастерской.

Лейси снова помолчала.

– Как у него дела?

– Хорошо. У него, похоже, прошла тахикардия. Лекарства помогают.

– Рада, что ему лучше. – По правде говоря, Лейси было наплевать на Уолтера и его здоровье. Да, он оставался единственным из пяти братьев Томпсонов – только ему удалось выжить, работая в шахте. Но это ничего не меняло. Он был настоящей задницей, и ее раздражало, что мать вечно сюсюкала с ним. – Где вы все сейчас?

– «Миртл Бичкрафт-Экспо».

– Надо же... Вы действительно очень близко. – С тем же успехом Шина могла бы находиться в Алабаме или в Теннесси. – Я отлично помню это место. – На стоянке трейлеров оборудование площадки для отдыха было всегда сломано. И каждый год надменная женщина в роскошной черной шляпе с лебедиными перьями проверяла билеты на входе. Она ненавидела детей торговцев, которые бегали туда и обратно и все время визжали.

– Вы с Деврой любили бесплатный горячий шоколад, – сказала Шина.

Лейси почувствовала, что мать улыбается, и тоже улыбнулась.

– Да, любили. – А почему бы и нет? По правде говоря, им нравилось самим смешивать напиток на прилавке у торговца. Водянистый, едва теплый, зато бесплатный. «Бесплатно» – самое значимое слово в их детстве. – Как Девра?

– Хорошо. Кевин недавно купил лицензию на дилерское распространение пылесосов «Рейнбоу» в Таскалусе. Они продали свой маленький «хендай» и приобрели желтый «Понтиак Гранд Ам», чтобы производить более внушительное впечатление на потенциальных покупателей.

– Рада за них, – отозвалась Лейси и задумалась. Хм... а что она знала о покупателях пылесосов и их автомобильных вкусах?

– Она не беременна, если ты думаешь об этом, – проговорила мать.

– Нет, не об этом. Но я надеюсь, что скоро она забеременеет. – Перед окном мелькнула чайка. – Я знаю, как сильно она хочет ребенка.

– В свое время, – вздохнула Шина, – у нее будет целый выводок.

Кузены для Генри! Однако Лейси и Девра не были близки. Видит бог, она пыталась подружиться с маленькой сводной сестрой, но ничего не получилось. Во всем виноват Уолт, который был абсолютно безразличен к любому ребенку, зачатому не от него, и совершенно избаловал, пожалуй, даже испортил, единственного своего.

Лейси взгрустнулось. Они с Деврой много лет спали на одной раскладной кровати – ну и что?

– Удалось что-нибудь продать? – спросила она. Это была вполне безопасная тема.

– Два лоскутных покрывала.

– Замечательно! – воскликнула Лейси. Лоскутные покрывала Шины стоили не меньше четырех сотен долларов, а стоимость самых больших и красивых доходила до тысячи.

– Давай лучше поговорим о тебе, – сказала Шина. – Ты нашла хорошего мужчину?

Лейси невольно вздохнула.

– Нет еще. Знаешь, я бы предпочла поговорить о твоей торговле. Ты и сейчас продаешь те маленькие узелки – кошелечки с завязками? – Связывание тканевых квадратиков в яркие привлекательные кошелечки было любимым занятием Лейси в детстве. Как правило, она работала, слушая аудиокниги на стареньком сиди-плеере.

– И даже очень много. Это мой самый ходовой товар. А вот ты... Ведь ты не становишься моложе, дорогая. – Голос Шины дрогнул – тема была для нее слишком болезненной. Обычно она ее не затрагивала, если Уолт находился неподалеку.

– Никто из нас не становится моложе. А меня вполне устраивает моя жизнь, – пробормотала Лейси.

Но мать ее, похоже, не слушала.

– Я знаю по опыту, что с ребенком на руках найти подходящего мужчину намного сложнее.

– Но мне не нужен мужчина!

– Не говори так. – Шина понизила голос – словно опасалась, что ее подслушивают.

– Почему же? – Лейси невесело рассмеялась. – Конечно, я люблю мужчин. Как и многое другое из того, что не приносит мне никакой пользы. Например, шоколадное мороженое. Скажи лучше, что Уолт сделал для тебя?

– Кроме того, что он был твоим отчимом, подарил мне вторую дочь и поддерживал меня все эти годы?

– Он никогда не поддерживал тебя так, как должен был.

– Лейси, я уже не раз говорила, что не желаю слышать подобные речи, – проворчала Шина. – Ты ужасно неблагодарная. А я – вовсе не из тех, за которых все должен делать муж. Твои калифорнийцы, возможно, отличные парни, но это еще не повод оскорблять меня.

– Извини, я ничего дурного не имела в виду. Я всего лишь хотела сказать, что ты заслуживаешь лучшего.

– Лучшего? Но я благодарна судьбе и за то, что имею. Мои ценности выдержали проверку временем, детка. Ты могла бы кое-чему у меня поучиться.

Лейси училась. Но было очень больно смотреть, как с каждым прожитым годом гаснет свет в глазах матери.

– Ладно, Шина, не будем об этом. – Ей вовсе не хотелось ругаться с матерью. – Надеюсь, я еще встречу человека, который сумеет полюбить Генри и зажжет огонь в моем сердце. Но если нет... Нам будет сказочно прекрасно и вдвоем. А ты будешь радоваться за меня.

– Не понимаю я вас, современных женщин.

– Ничего страшного. Возможно, еще поймешь. Шина, я надеюсь, ты сумеешь продать побольше покрывал на «Экспо». – Жизнь ее матери была бы совсем другой, если бы она не связала свои финансовые дела с делами Уолта.

– Я тоже надеюсь. – Мать, похоже, смягчилась. – Но ты пытаешься уйти от проблемы. Я была бы намного счастливее, если бы ты не болталась по свету. Это неправильно.

– Тебя смущает, что твоя дочь – мать-одиночка?

Шина промолчала.

«Спроси же о Генри!» – мысленно воскликнула Лейси.

Но мать не спросила, и Лейси пробурчала:

– У твоего внука все хорошо.

– Я рада.

– Его зовут Генри. Ты помнишь?

– Конечно, помню. – В голосе матери не было ни намека на какие-либо чувства. – Передай ему привет.

И это все. Каждый год Шина отправляла ему на день рождения открытку – из тех, что в почтовых отделениях можно было взять бесплатно. Их распространяла организация под названием «Спасите китов». На открытке она неизменно писала: «Генри, прими поздравления с днем рождения от Шины и Уолта». Она ни разу не назвала себя бабушкой и ни разу не отправила ему хотя бы один доллар.

Переступив с ноги на ногу, Лейси проговорила:

– Ты можешь увидеть его. До нас всего два часа езды. После окончания ярмарки вы вполне могли бы заехать, чтобы повидаться с внуком.

– Нам надо ехать в Бирмингем, а потом – в Таскалусу, на открытие магазина «Рейнбоу».

– Ох, Шина, но я ведь больше ни о чем не прошу и...

– А почему вы не можете приехать сюда? – перебила мать. Вероятно, она считала, что от нее слишком многого требуют. – Мы очень заняты. Разве ты не понимаешь? Когда продажи закончатся, надо будет паковаться.

Лейси почувствовала, что к глазам подступили слезы.

– Я знаю, ты хочешь его увидеть, – прошептала она. – Потому что ты – моя мать. А он – мой сын. Но я не понимаю, почему ты ищешь отговорки, почему не хочешь приехать? Ведь упаковаться можно за час. Я не раз видела, что тебе вполне хватало этого времени. Скажи Уолту, что хочешь приехать.

Внезапно послышался лязг и журчание воды.

– Не уверена, что он согласится, – ответила мать.

Ну вот опять... Ничего не изменилось.

– Скажи ему, что тебе очень хочется побыть с собственным внуком, – сказала Лейси.

– Ты не должна была его усыновлять. Это был глупый поступок.

Слова матери показались Лейси пощечиной.

– Ты сама так думаешь? Или Уолт подсказал?

– Его сейчас нет рядом.

– Что-то не верится. Поговори со мной, Шина. Я хочу знать, что думаешь ты, а не он.

Воцарилось молчание.

– Может быть, Уолт нервничает? – спросила наконец Лейси. – Может, боится, что рядом с Генри будет выглядеть развалиной? Мой мальчик очень загорел. Я ведь посылала тебе фотографии... Ты их повесила куда-нибудь? У него такие крепкие ножки и ручки! Такие сияющие глаза!..

– Ты не замужем и у тебя нет мужчины. Поэтому было неразумно его усыновлять.

Лейси судорожно сглотнула.

– Став матерью Генри, я совершила единственный разумный поступок в своей жизни. Я усыновила его, поскольку точно знаю, что такое одиночество. Никто на свете не должен быть одиноким, тем более невинный ребенок. А теперь порадуйся за меня, Шина. Тебе лучше порадоваться за меня, иначе...

Иначе – что? Лейси не собиралась бросать трубку. Ни за что. И все же она никогда не чувствовала себя более несчастной, чем сейчас, когда беседовала с матерью.

– Почему ты вернулась на Восток? – спросила Шина. – Из-за того, что случилось в том ресторане?

– Ты тоже об этом слышала?

– Конечно.

Лейси со вздохом опустилась на стул.

– Я порвала с Каллумом. И решила начать все сначала. Теперь буду искать работу. Хорошую постоянную работу – как у всех.

– Значит, ты наконец разделалась с Голливудом? А эта Моник...

– Ты была права, – перебила Лейси. – Ей нельзя было доверять.

– Конечно, я права. Любая женщина, которая может позволить себе выбросить новую пару туфель...

– Да, она расточительна. И испорчена. Я знаю это. Точнее – всегда знала. Просто я думала, что меня это не коснется. – Что ж, по крайней мере, Лейси заполучила шикарные туфли.

– У тебя есть деньги?

– Немного. Чем раньше я найду работу, тем лучше. Прости, но я не могу сейчас приехать, чтобы повидаться с вами. А ты обязательно должна увидеть, где мы сейчас живем. Тут очень красиво. Приезжай ненадолго, чтобы познакомиться с Генри. Проведешь день на пляже...

– Ты знаешь, что твой отец родился в Индиго-бич? – неожиданно спросила мать.

Лейси замерла на мгновение. Она почти не помнила отца – только его добрые серые глаза и очень большие руки, которыми он поднимал ее высоко над головой.

– Правда?

– Кажется, его родители навещали своих друзей и остановились в Индиго по дороге во Флориду. Он родился на шесть недель раньше срока. Едва выжил.

Слава богу! Если бы отец не выжил, у Генри была бы другая мать – не она, не Лейси.

Ей было трудно заговорить. Всякий раз, когда речь заходила об отце, в душе поднимался ураган эмоций.

А Шина вздохнула и добавила:

– Я поговорю с Уолтом о нашем приезде.

Лейси невольно улыбнулась.

– Ох, спасибо!

– Но я ничего не обещаю, – заявила мать.

Она никогда ничего не обещала. Наверное, ни разу в жизни. Но разве не это должны делать родители? Разве не должны брать на себя обязательства, призывая Господа в свидетели и показывая детям, что те могут на них положиться в любой ситуации?

Лейси взглянула на свои поношенные сандалии и пробормотала:

– У тебя есть мой номер, если что... – «Семья – это очень трудно», – подумала она, глядя на телефон. Теперь у нее имелась собственная семья, то есть Генри. И она, Лейси, целиком посвятит себя ему...

Наверху распахнулась дверь – мистер Бо Уайлдер проснулся, – и Лейси насторожилась. Через несколько секунд захлопнулась дверь ванной, а затем послышался шум воды.

«Возможно, это круто, когда один из самых известных в мире мужчин раздевается донага в твоей ванной», – промелькнуло у Лейси. Только вот этот мужчина хотел от нее избавиться.

Но что же делать?

Может, сфотографировать его в чем мать родила, а потом шантажировать, чтобы перестал говорить о ее уходе? Что ж, неплохая идея. Отжать ломиком замок – раз плюнуть. Он даже не успеет понять, что происходит.

Но он ведь бросится за ней в погоню, не так ли? Это раньше можно было спрятать коробку с пленкой в банковскую ячейку и шантажировать кого-либо. А теперь достаточно выхватить у нее из рук телефон – и дело сделано. Однако же... Гонимая за ней, Уайлдер наверняка завернется в полотенце. Забавно, пожалуй. Хотя...

Нет, он не в ее вкусе. И вообще, все актеры – не в ее вкусе, особенно такой... секс-символ. Даже думать не хочется о том, что может произойти. Возможно, он даже захочет, чтобы она выложила фото в Интернет. Интересно, его мужское достоинство впечатляет размерами?

– Все они одинаковые, эти мужчины, – проворчала Лейси, взбивая оставшиеся три яйца и стараясь не думать о нагом Бо Уайлдере. Ей лучше подумать о поисках работы. И о Генри. Этим она и займется.

Тем не менее Лейси поймала себя на том, что рассматривает свое отражение в оконном стекле и поправляет прическу. Нет-нет, вовсе не для Бо Уайлдера. Все девушки с Юга любят прихорашиваться. К тому же она, Лейси, – женщина изголодавшаяся по любви и сексуально неудовлетворенная. Женщина, у которой нет ни малейшей надежды на личное счастье, по крайней мере до тех пор, пока Генри не вырастет и не заживет своей собственной жизнью.

Но к тому времени она уже утратит сексуальную привлекательность.

«Твоя работа – не сжечь тосты, – напомнила себе Лейси. – Твоя работа, мамочка, – позаботиться о сыне».

Она накрыла стол на троих, потому что их было трое – одна мамочка и два голодных парня, и сделала вид, что ей это совершенно не нравилось.

## Глава 3

– Кто тут? – громко спросил Бо Уайледр, открыв утром глаза и отбросив одеяло. Он готов был сразиться с ниндзя или террористами – кто раньше появится. Но никого не было. Только теплый солнечный луч согревал ноги да шум прибоя желал ему доброго утра.

А потом Бо все вспомнил. Он находился в Южной Каролине и собирался играть главную роль в сентиментальной мелодраме о любви, приправленной – чтобы зрители не уснули – толикой шантажа и предательства. И где-то здесь присутствовала Грета – горячая и взрывоопасная, с голосом, напоминавшим сладкую черную патоку, с голосом, от которого путались мысли и возникали желания, совершенно неуместные в данной ситуации.

Несмотря на похмелье, с которым ему удалось справиться под холодным душем (после пробежки душ понадобится снова, на сей раз – теплый), Бо понял, что с огромным нетерпением ждет встречи с этой женщиной. И еще ему не терпелось осмотреть маяк, судя по всему – настоящее произведение искусства.

Сегодня было солнечно. Значит, важно не забыть солнечные очки. Если яркое солнце светит прямо в глаза, похмелье может вернуться.

Бо всегда испытывал почтение к маякам. Это не гигантские трансформеры, конечно, но колоссальные башни, господствовавшие над океаном.

Маяк, в котором он сейчас находился, больше не работал. А жаль... но все же, оказавшись здесь, Бо ужасно обрадовался. Он представил себя грозным смотрителем маяка – и улыбнулся. Здесь можно было стать кем угодно – водителем огромного грузовика, оператором гигантского парового экскаватора, глубоководным бурильщиком...

Все эти мальчишеские фантазии промелькнули перед его мысленным взором, и Бо снова улыбнулся, растираясь жестким белым полотенцем. Здесь явно не пользовались кондиционером для белья. Но именно таким полотенцем и должен растираться мужчина, находясь на маяке.

– Эй, Генри! – вдруг послышался голос Греты.

Что за черт?! Бо замер в изумлении. Он вовсе не Генри! Он только Бо – и никто другой! Кстати, очень известный, можно сказать, знаменитый Бо. А может, она вспомнила о его герое Хэнке Маккормике из того фильма об ограблении банка?.. Черт, забыл название. Там Хэнк – прозвище, а на самом деле героя звали Генри.

Он все еще не мог поверить, что Грета Гильденстерм здесь, совсем рядом. Бо хорошо помнил ту сцену из «Инопланетян», где она стояла на коленях в коляске мотоцикла. На ней тогда был ярко-красный шлем, а также майка на тонких бретельках и короткие шортики. И она расстреливала оранжевых пришельцев, гнавшихся за ней по Тихоокеанскому шоссе.

– Генри!..

Он скорчил рожу в затуманившееся зеркало.

– Я Бо, – сообщил он своему отражению. И тут же крикнул: – В чем дело?!

Тут кто-то попытался открыть дверь.

– Эй, минутку! – Бо поспешно обмотал полотенце вокруг бедер и тотчас опустил его пониже, чтобы выглядеть сексуальнее. – Подождите! Я сейчас!

Она была на редкость бесцеремонна. Впрочем, ему это понравилось и захотелось снова пободаться с ней.

– Поторопитесь! – раздался голос из-за двери. Детский голос!

Накануне Бо даже в голову не приходило, что в доме находился кто-то еще, тем более ребенок. Он повесил полотенце на сушитель и стал поспешно одеваться.

– Я уже выхожу. Дайте мне минуту.

– Мне нужно сейчас! Мама, кто заперся в ванной?

«Спокойно, – сказал себе Бо. – Ребенок не виноват, что нарушил все мои планы». Он распахнул дверь ванной, и на него уставился маленький мальчик с всклокоченными вьющимися волосами-пружинками и кожей цвета кофе с молоком. Мальчик был в старенькой пижаме с изображением железного человека на груди. В его больших карих глазах читался вызов, – мол, мне наплевать, кто ты такой!

– Привет, – сказал Бо.

– Привет, – буркнул мальчик, приплясывая и с тоской глядя на унитаз.

– Поспеш, парень, – сказал Бо и отступил в сторону. Они познакомятся позже.

Генри пробежал мимо него, обернулся и выпалил:

– Я обладаю суперсилой! – После этого он захлопнул дверь.

«Что ж, ладно...» – сказал себе Бо и осмотрелся. Он стоял на площадке перед винтовой лестницей, ведущей вверх – к куполу маяка. Обойдя лестницу справа, он окажется перед дверью в свою комнату, а если слева – попадет на запретную территорию. На противоположной двери висела табличка с надписью «Берегись!» и изображением черепа и перекрещенных костей. Правда, череп имел глаза с черными точками вместо зрачков и острые ресницы. Работа Греты?

Бо взялся за перила и сделал шаг вверх, перепрыгнув через ступеньку. Он пойдет наверх, хотя запах пожаренного хлеба и бекона настойчиво звал его вниз.

– Кажется, вы говорили, что должны уйти рано, – сказала Лейси, стоявшая у подножья лестницы.

При звуках ее чуть хриповатого голоса – она, как все южанки, немного растягивала слова – Бо остановился. Внезапно сообразив, что ему требуется кофе. К сожалению, накануне вечером он не увидел в кухне кофейника. Ему даже думать не хотелось о том, что кофейника, скорее всего, вообще не было. На студии-то кофе определенно имелся, но от похмелья ему хотелось окончательно избавиться уже сейчас. А впрочем...

Помимо кофеина, имелось и другое средство, которое помогло бы им обоим почувствовать себя гораздо лучше.

По-прежнему держась за перила, Бо проговорил:

– Рано – это в десять, а очень рано – в восемь.

– Странно... По-моему, рано – это на восходе солнца, – заявила Лейси.

Внезапно дверь ванной с грохотом распахнулась, и Генри, вылетевший на площадку, проговорил:

– Ты не должен туда ходить. Ты здесь даже не живешь. Сначала надо спросить разрешения.

Бо спустился к первой ступеньке и, протянув мальчику руку ладонью вверх, с серьезнейшим видом представился:

– Меня зовут Бо.

Генри пристально посмотрел ему в глаза и спросил:

– А кто ты такой?

– Я – хороший парень, – ответил Бо. И очень тихо, тоном заговорщика, добавил: – Поверь, у меня нет никаких планов на твою мать.

Лицо мальчика вытянулось.

– Это значит, что она – не моя подружка, – объяснил Бо. – И я не собираюсь просить ее ею стать.

– Значит, из-за тебя она не будет плакать? – спросил Генри.

«Умный паренек», – подумал Бо. И вдруг понял, что ему нравится этот малыш. И Грета тоже, разумеется.

– Не будет. Могу поклясться, – ответил Бо.

Мальчик потряс его руку и представился:

– Меня зовут Генри Кларк.

– Хорошее имя. Жаль, что ты не знал о моем приезде. Вероятно, ты испугался, когда проснулся утром и увидел чужого дядю.

– Вовсе я не испугался. И я ничего не имею против. Особенно... если у тебя тоже есть суперсила.

– Кажется, нет. По крайней мере, мне об этом ничего не известно.

Генри промолчал, а Бо спросил:

– Ты когда-нибудь видел прожектор на маяке?

– Конечно. – Генри сунул палец в нос, но почти сразу, вспомнив о хороших манерах, вытащил палец и убрал руки за спину.

А Бо, вспомнив о цене, которую ему пришлось заплатить, чтобы попасть на маяк – все же четыре билета на «Лейкерсов»! – не почувствовал никаких сожалений. Улыбнувшись мальчику, он сказал:

– Тогда я сбегаю туда, посмотрю и сразу вернусь. Ничего не смогу делать, пока не увижу прожектор. Можешь пойти со мной, если хочешь. И если мама разрешит.

– Мама! – завопил Генри. – Я должен показать Бо Уайлдеру большую лампочку! Это очень важно!

– Хорошо, – ответила Лейси. – Ты вечером слышал шум?

– Да, – ответил Генри.

– Это был мистер Бо Уайлдер. Он знает тех же людей в Голливуде, что и мы. Они и ему тоже дали ключ от маяка.

– А сами не приехали... – Бо пожал плечами. – По-моему, это очень глупо с их стороны.

– Верно, – согласился Генри. – Они тупые.

– Идите наверх и сразу спускайтесь обратно, – сказала Лейси строгим, но в то же время ласковым голосом – настоящая мамочка. Бо представил, как она говорит примерно такие же слова, стоя на крыльце, а Генри прячется от нее в ветвях деревьев. – После завтрака нам надо отправляться на поиски работы, – добавила она.

Мальчик насупился и пробурчал:

– А как же поиски мертвых крабов?

– Мы займемся этим, когда вернемся.

– Обещаешь?

– Конечно. А сейчас поторопитесь. Я готовлю омлет. – Лейси улыбнулась.

– С сыром? – Очевидно, Генри во всем любил точность.

– Разумеется.

Бо надеялся, что она приготовит завтрак и на его долю тоже, но если нет – он перехватит чего-нибудь на съёмочной площадке. Там всегда неплохо кормили.

Он взял солнечные очки, надел носки и кроссовки, повесил на плечо легкий рюкзак и, пропустив вперед Генри, зашагал вверх по лестнице. Они быстро поднялись на следующий этаж – в круглый купол с наклонной лестницей, ведущей непосредственно к прожектору.

– Вот это да... – протянул Бо, с восторгом глядя снизу вверх на прожектор. Он выглядел лучше, чем самый изысканный канделябр – слои толстого стекла, отливающие синевой. – Замечательно!

– Да уж... – кивнул Генри. После чего все же спросил: – А зачем он?

– Чтобы звать людей домой. Когда моряки плывут в темноте и не знают, где находятся, они замечают свет и точно узнают, что если поплывут на него, то найдут безопасную гавань.

– А что такое гавань?

– Место, где стоят корабли, когда они не в море. Идем выше?

– Мама сказала, что туда нельзя лазить без взрослых.

– Она права. Но я взрослый, так что все в порядке.

На лице Генри отразилось некоторое сомнение, и Бо поспешно добавил:

– Если честно, то я, наверное, даже старше твоей мамы.

– Тогда ладно... – отозвался мальчик.

На этот раз Бо пошел первый. Забравшись наверх, он потянулся к Генри и, подхватив его, поставил рядом с собой.

– Ты поднял меня в воздух, – сообщил мальчик.

– Знаю. Но ведь не над ямой с крокодилами, правда?

– Жаль... Наверное, было бы интересно...

– Да, наверное.

Они стояли у поручней, окружавших купол, а перед ними расстилалась невыразимо прекрасная Атлантика. Волны величаво катились к берегу и оставались на песке молочно-белой пеной – словно кто-то разлил ванильный коктейль.

– Красиво, – проговорил Бо. Он всегда очень любил побережье Южной Каролины. В Калифорнии пейзаж был не такой мирный – волны намного больше. А в этих местах... тут чувствовалось что-то особенное, умиротворяющее...

– Я не хочу отсюда уезжать, – заявил Генри.

В данный момент Бо тоже никуда не хотелось уезжать. Он уловил неподдельную искренность в голосе малыша и решил запомнить эти интонации – возможно, пригодится на съемочной площадке.

«Спасибо тебе, Каллум, за то, что ты такая задница», – с усмешкой подумал Бо. Было совершенно очевидно, что Каллум обманул Грету. Вероятно, она теперь оказалась в непростом положении, да еще с ребенком на руках.

Получалось, что он, Бо, не мог от нее избавиться. Не выставишь же ее на улицу с малышом...

Что ж, ничего страшного. Ведь речь идет всего лишь о шести неделях. Придется ему обойтись без веселых вечеринок, что, несомненно, пойдет на пользу его брюшному прессу, который становится слишком мягким и дряблым, если много пить.

Они поговорили несколько минут о «кривизне земной поверхности» и о гигантских морских монстрах, после чего отправились обратно. Вниз по лестнице Бо спускался первым. Генри же захлеб рассказывал о медузе, которую накануне проткнул стеблем камыша.

Как выяснилось, Грета все же накрыла стол на троих. Бо оценил этот поступок по достоинству. Высоко оценил. Она вовсе не обязана была это делать, но тем не менее сделала.

А потом он сообразил: подать ему завтрак – самый на-дежный способ убедить его в том, что ее, Греты, пребывание в доме имело смысл. Умная девочка... Он едва не повелся...

Генри уселся за стол, а Бо – нет. Пока нет. Он снял темные очки и сказал:

– Боюсь, я не запомнил вашего имени.

– Лейси Кларк.

Имя ему понравилось. Оно удивительно подходило этому солнечному созданию с пышными волосами и в желтом сарафане. Хотя ее глаза и ярко-розовые губы показались ему слишком вызывающими для раннего утра на морском побережье. Хотя... Кто их поймет, этих женщин? Он же на Юге, а южанки, похоже, с рождения до смерти не выпускают из рук губную помаду. Он даже знал, как назывался цвет, который всегда использовала его мать. «Персиковая лагуна»!

Держа в руках сковороду, Лейси чуть нахмурилась – так, чтобы Генри ни о чем не догадался, но все же достаточно явно, чтобы это заметил Бо.

– Видите ли, мистер Уайлдер, – проговорила она, – нельзя не пригласить человека за стол, иначе будешь гореть в аду, чего, как вы сами понимаете, мне не хотелось бы.

Понятно. Значит, он должен молча поесть и убраться.

– Вероятно, я нечасто буду здесь есть, – ответил Бо.

– Почему? – тут же спросил Генри.

– Знаешь ли, парень, киношники обычно едят на съемочной площадке. Там у них всякая экзотическая еда вроде равиоли с грибами, сэндвичами с филе... и прочее.

– Думаю, это плохо, – объявил Генри. Он схватил с тарелки треугольный тост и откусил ровно половину. – Надо есть пиццу.

– Ее там тоже едят. Правда, называют иначе. Например, лаваш с копченым лососем и каперсами. Или фокачча с козым сыром и оливками.

– Какая мерзость! – воскликнул мальчик.

– Генри, веди себя прилично, – сказала Лейси и покосилась на Бо. – Мы увидим вас за столом, когда на съемочной площадке не будет еды. – Она положила небольшие кусочки омлета на тарелки мужчин, добавила бекон, после чего поставила тарелки на салфетки с забавными рисунками и налила три стакана апельсинового сока.

– Мама, а где твой омлет? – спросил Генри.

– Сегодня мне не хочется есть. – На ее тарелке лежал сэндвич с арахисовым маслом.

– Но ты же любишь омлет! – воскликнул Генри, державший вилку как копье.

– Только не по вторникам, – пробормотала Лейси и подняла глаза на Бо. – Садитесь и ешьте.

Генри энергично жевал уже третий кусочек бекона. Упоминание о приличиях явно не испортило ему аппетит.

А Бо ждал, когда сядет Лейси, – он всего лишь пытался быть вежливым, но ей это явно не нравилось. Тем не менее, он упорно не садился.

Она отвела глаза и наконец-то села. Нервно комкая салфетку, отпила немного сока. «Растерянная мамочка... не привыкла к мужчинам, знающим этикет», – с усмешкой подумал Бо. Он хотел предложить ей свою порцию омлета, но вовремя понял: она откусит ему голову, если поймет, что он догадался об отсутствии продуктов у нее в холодильнике. А их там, увы, не было. Ему следовало уйти пораньше, чтобы она не чувствовала себя обязанной его кормить.

– Где вы учились? – спросил он, чтобы не молчать. Чувство вины боролось в нем с желанием показать, что эта женщина – гостя в его владениях.

Лейси нахмурилась и тихо сказала:

– Я получила домашнее образование. – Вот и все. Вопрос закрыт.

– Интересно... – протянул Бо.

Генри на одном дыхании опорожнил стакан сока. Мальчик так спешил, что едва не подавился. Бо взял свой стакан и тоже отпил сока. А Генри, поглядывая на него, снова принялся есть, причем очень быстро.

Омлет был очень вкусный, и Бо хотелось проглотить его с такой же быстротой, но он сдержался.

– Генри, не торопись, – сказала Лейси.

Мальчик взглянул на мать и пробормотал:

– Но мне надо бежать за увеличительным стеклом.

– За чем?.. – переспросил Бо. – За стеклом?

Генри кивнул и тут же пояснил:

– Иначе как ты попадешь в тело другого человека? Натан Риттер сказал, что в телах Плуто и Дональда Дака живут настоящие люди. И еще я знаю, что в человеке может жить собака. – Мальчик повернул голову и уставился на мать. – Ма, давай позвоним Натану.

– Ох, Генри... – Лейси вздохнула. – Не болтай глупости.

– А где твое увеличительное стекло? – спросил Генри, обращаясь к Бо. – Давай за ним сходим.

Бо перестал жевать. «Все-таки судьба – настоящая ведьма», – промелькнуло у него.

– С вами все в порядке, мистер Уайлдер? – спросила Лейси.

– В порядке, – просипел Бо. Он называл ее здесь Гретой. Но ведь он тогда был пьян, а теперь... теперь...

– Это же Дадли, пес-детектив, – сказал Генри, обращаясь к матери. – И я рад, так рад!.. Ведь из всех людей на свете он выбрал именно нас!

## Глава 4

– О боже! – воскликнула Лейси, уставившись на гостя. – Ах, конечно, вы – Дадли. – И действительно, никто другой не мог произнести его коронное слово – «интересно» – с такой неповторимой интонацией.

Лейси прикрыла рот ладонью и покачала головой. «Дадли» – это были любимые мультфильмы Генри. Их сняли шестнадцать серий, которые показывали семь или восемь лет назад, еще до рождения Генри, но у них имелся дивиди-диск. Генри смотрел эти фильмы бесконечно, и Лейси даже купила ему в интернет-магазине футболку Дадли и его цепочку для ключей, которые подарила малышу на прошлое Рождество.

– Ты видишь, ма?! – Генри от восторга задрогал ногами и весьма ощутимо стукнул ее по колену.

Бо несколько минут молча переводил глаза с матери на сына. Потом сказал:

– Это было очень давно. – Его голос был ровным и каким-то... бесцветным. – Вы, наверное, смотрели фильм в повторном прокате.

– Да, – кивнула Лейси и помассировала коленку.

– То была моя первая большая работа, – со вздохом сказал Бо. – Надо же с чего-то начинать... Вспомните хотя бы Брэда Питта. Он носил костюм цыпленка Эль Поло Локо на бульваре Сансет.

– Да, я знаю. – Лейси постаралась спрятать усмешку.

– Этой информации нет даже в Википедии, – продолжал Бо. – Я воспользовался другим именем. Никто ничего не знает, кроме моего агента и создателя фильма. – Его рука, до того лежавшая на краю стола, внезапно сжалась в кулак, и Генри легонько его погладил.

Мистер Уайлдер вздрогнул и в изумлении уставился на малыша, ласкавшего его так, словно он действительно был не человеком, а собакой.

– Все хорошо, Дадли, – проворковал Генри, – все хорошо, не волнуйся. Ты прячешься от Барбеллы?

Барбелла – злобная белка, совершившая множество преступлений в мультфильмах о Дадли.

– Нет-нет, – буркнул Бо. Но он не мог злиться на малыша, поэтому бросил сердитый взгляд в сторону Лейси и встал. – Мне пора идти.

О, месть сладка. И она отомстила Дадли, самому крутому псу-детективу на планете. Он обладал злобным чувством юмора, походкой вразвалочку и пальто, которое носил, высунув хвост в специальное отверстие, что придавало ему невероятно сексуальный вид. Для собаки, конечно.

Но самое лучшее в Дадли – его голос: в нем была спокойная уверенность и одновременно – сумасбродный авантюризм.

– Где Барбелла? – спросил Генри, заглядывая в глаза Бо.

Тот дернул себя за ухо и, усмехнувшись, сказал:

– Спроси у мамы. Она знает.

Лейси невольно вздохнула. Теперь ей придется объясняться с Генри. Она взглянула на личико малыша – радостное и вдохновенное – и решила, что месть, возможно, не так уж сладка.

– Барбелла?.. Ну... она все еще в Бумтауне. Она всегда там прячется.

– Она боится Дадли? – Генри даже дыхание затаил от восторга.

Лейси с Бо обменялись взглядами, и его физиономия при этом оставалась непроницаемой. «Возможно, снова думает, как избавиться от нас», – промелькнуло у Лейси.

– Похоже, его все боятся, – ответила она малышу, не сводя взгляда с Уайлдера. Ах, ведь ей ужасно нравился Дадли – милый привлекательный персонаж с достаточно наплева- тельским отношением ко всем жизненным трудностям... и потому заставлявший зрителей смеяться. Но ей и во сне не могло присниться, что она когда-нибудь с ним познакомится. – Генри, может быть, хватит пока о Дадли?

Уайлдер же подхватил свой рюкзачок, перекинул его через плечо и направился к двери. Потом вдруг оглянулся и сказал:

– Доска для серфинга, стоящая за входной дверью, – моя. Прошу ее не трогать.

– Доска для серфинга? – Генри скатился со стула и бросился к двери. – Ма, ты только взгляни!

Дадли был эксцентричной натурой; к тому же, когда речь заходила о важных для него вещах (к примеру, он каждый день надевал новые цветные носки с разноцветными ромби- ками), он проявлял непоколебимость. Что же касается носков, то они придавали ему непо- торимый шик.

Лейси не собиралась показывать заинтересованность, однако же...

Ей ужасно захотелось посмотреть на доску для серфинга. Она шагнула к двери и уви- дела ярко-красную доску с желтой полосой посередине. Доска была очень большая.

– Ты серфер? – с восторгом спросил Генри.

«Серферы сексуальны. И возмутительны... – думала Лейси. – Поэтому мистер Уайл- дер, разумеется...».

– Да, я серфер! – объявил Бо. – И привез эту доску из Лос-Анджелеса.

Лейси решила не спрашивать, почему он относится к этой штуковине так, словно она сделана из золота.

– Почему мы не должны ее трогать? – спросил Генри. – Я хочу. Я же ничего с ней не сделаю.

Уайлдер тяжело вздохнул.

– Я только что покрыл ее воском. И вообще... она сделана специально для меня. Но я понимаю, что ты с ней ничего не сделаешь. Скоро ее можно будет трогать, парень.

«Скоро?... Это значит, он больше не собирается нас прогонять?» – думала Лейси.

В этот момент Бо сделал Генри подножку, но тот ловко увернулся и, смеясь, убежал. А у Лейси внезапно заныло сердце. Мальчику требовалось общение с мужчиной, но где же его взять?

– Вы не боитесь оставлять столь ценную для вас доску на улице? – спросила Лейси, хотя и понимала, что это не ее дело. В конце концов, они с ним вовсе не друзья, так... соседи по дому. И она больше не будет заговаривать о его отъезде. Поскольку даже если и попробует, он ведь все равно не тронется с места, не так ли?

Бо пожал плечами.

– Я подготовил ее к местным климатическим условиям. Пусть один день побудет на этом воздухе. А потом я буду заносить ее в свою комнату.

– И как вы намерены затаскивать ее по винтовой лестнице? – любопытствовала Лейси.

Бо засмеялся.

– Если не получится, я всегда могу втянуть ее через окно на веревке.

– Втяни меня тоже! – завопил Генри.

«Ну, это уже слишком...» – мысленно проворчала его мать.

– Да, конечно, – кивнул Бо.

– Ни в коем случае, – заявила Лейси, одарив соседа по дому строгим взглядом. Впро- чем, не слишком строгим. Просто ей хотелось напомнить ему, что он не делал ей никакого одолжения. Наоборот, это она сделала ему одолжение, позволив остаться.

– Ты будешь на ней спать? – спросил Генри, покосившись на своего нового друга.

– Я не собираюсь на ней спать, но она будет радовать мой взор, когда я буду возвращаться после работы. – Он опустился на корточки рядом с Генри. – Надеюсь, ты pomoжешь сегодня маме в поисках работы. Ведь так?

– Конечно, Дадли. – Глаза Генри восторженно сияли. – А знаешь что?

– Что?

– Ты – не первая собака, которая занимается серфингом. Мы с мамой видели еще одну в Интернете.

«О боже!..» – мысленно воскликнула Лейси. Было ясно, что малыш путал реальность с вымыслом. Что ж, пять лет – волшебный возраст. Лейси невольно улыбнулась, глядя на Генри, побежавшего по берегу за чайкой. Из-под его маленьких ножек летел песок.

– Мисс Кларк, – сказал Бо, – я оставляю на ваше усмотрение решение... определенного вопроса. Подумайте, пока я буду отсутствовать.

Лейси похолодела. Неужели он опять передумал? Неужели ей придется увезти Генри из этого великолепного места? Нет, она не сделает этого!

– Я же говорила вам, мистер Уайлдер...

– Просто объясните ему...

– Попробовали бы вы сами объяснить жизненные реалии маленькому мальчику. Он счастлив здесь и сейчас. И для меня это – главное.

Бо несколько секунд молчал. Потом его лоб прорезала морщинка, и он со вздохом сказал:

– Но ведь даже в таком возрасте он не должен всерьез считать, что я на самом деле собака Дадли.

Лейси в растерянности заморгала. Значит, он говорил не об их отъезде?

А Бо, почесав в затылке, добавил:

– Сегодня он меня гладил, а завтра захочет надеть поводок и вывести на прогулку.

Лейси с облегчением вздохнула и, не удержавшись, хихикнула. А мистер Уайлдер продолжал:

– Мне кажется, мальчик уже достаточно взрослый, чтобы понимать такие вещи. – Он подбоченился и взглянул на Генри. – Надо только правильно объяснить, вот и все.

– Да, конечно. – Лейси кивнула. – Я справлюсь. – Она пока не знала, как именно, но понимала, что это – ее долг.

Немного помедлив, Бо достал из рюкзака бумажник и извлек оттуда две новенькие стодолларовые купюры.

– Купите, пожалуйста, продуктов.

Лейси молча уставилась на деньги. Как же они прекрасны!

– Возьмите, мисс Кларк. Я не буду есть здесь часто, но всегда пью очень много молока и люблю разные снеки, особенно – крекеры с сыром. И арахисовое масло. Да, чуть не забыл... – Он достал еще одну сотню и протянул ей. – Если сможете найти скромную кофеварку, кофемолку и немного кофе в зернах. Тем самым вы спасете мою жизнь.

Лейси взяла деньги и проговорила:

– Я не очень-то хорошая хозяйка, но это сделаю.

– Понадобится побольше денег – дам побольше, – продолжал Бо. – Если честно, ненавижу пустые ящики в кухне.

– Буду иметь в виду. – Лейси старалась говорить спокойно, деловым тоном – так же она говорила, когда работала ассистенткой у Моник. Но ей не терпелось добраться до магазина и купить цыплят, бобы, коричневый рис, овощи, бананы...

Какое-то время они стояли молча. Стояли, внимательно глядя друг на друга. И наконец он едва заметно улыбнулся и сказал:

– Впредь называйте меня Бо. А я буду звать вас Лейси. Мисс Кларк – длинно и скучно. Она молча кивнула. А он тотчас удалился. Удалился бегом. Генри с восторгом смотрел, как Бо бежал. Лейси же, стоя в дверях, намеренно хмурилась – ей надо было дать понять сыну, что она не в таком уж восторге от мужчины, неожиданно вторгшегося в их жизнь.

Хотя следовало отдать должное мистеру Уайлдеру – выглядел он на все сто. Держал себя в отличной спортивной форме. Был ловкий, сильный и решительный – как тот морской пехотинец, которого он сыграл несколько лет назад. К тому же он когда-то чудесно озвучил собаку в известном мультфильме. А теперь играл главную роль в ленте «Цветы от сердца». Хм... странно... Что же он делал в фильме с таким названием?

Моник не могла дожидаться, когда начнет сниматься в этой мелодраме. А Каллум получил роль второго плана только благодаря ей, Лейси. Она три месяца убеждала Моник, что он очарователен и талантлив и что необходимо замолвить за него словечко режиссеру.

Но случилось так, что Моник и Каллум сбежали в Италию, чтобы сниматься в другом фильме. И пока ничто не указывало на их намерение вернуться. В газетах же напечатали их фотографии в международном аэропорту Лос-Анджелеса и в Риме.

Но ведь все это неправильно! Несправедливо! Почему так часто испорченные люди получают все, что хотят, а другие работают день и ночь – и все зря?

И самое интересное: что же Бо Уайлдер делал в такой слащавой мыльной опере? Лейси умирала от желания спросить его об этом.

– Генри, давай посмотрим Индиго-бич. – Она больше не станет терять время, размышляя о Бо, своей бывшей работодательнице, бывшем любовнике и отсутствии каких-либо перспектив в данный момент. Подобные размышления ни к чему хорошему не приведут. Если она чему-то и научилась у Шины, то лишь одному: делай то, что должна делать, – и будь, что будет. А пока следовало побыстрее почистить зубы и заправить постели.

Через двадцать минут после ухода Бо Лейси с сыном уже ехали в Индиго-бич на бело-оранжевом «кадиллаке» 1977 года – санитарной машине, которую она позаимствовала у своего друга Патрика. Да, это был странный вид транспорта, но колеса у него имелись, и он исправно ездил. Патрик, реставрировавший транспортные средства для киносъемок уже сорок лет, обещал забрать машину через несколько месяцев. К тому времени ей придется обзавестись собственной машиной.

«Что ж, нет проблем», – подумала Лейси и жизнерадостно улыбнулась, вернее – попыталась. На самом же деле она была испугана. По-настоящему испугана. И не желала, чтобы Генри об этом догадался.

Они въехали на Герон-авеню. Слева от них тянулся длинный ряд трехэтажных домов, построенных в самых разных – порой причудливых – стилях. Все они были обращены фасадами к океану. Справа тоже стояли дома, и почти все имели «вдовьи площадки» – огороженные места на крышах, откуда обитатели могли полюбоваться океаном.

Лейси, конечно, привыкла к виду богатства в Голливуде, но здесь было нечто иное. Здесь чувствовалась основательность. В этих местах зарабатывали деньги физическим трудом, особенно в летние месяцы.

Первую остановку они сделали у бутика, имевшего весьма многообещающее название – «Превосходные вещи». На улице перед входом были вывешены красивые пляжные сари, трепетавшие под никогда не прекращавшимся в этих местах ветром с моря. За прилавком же стояла изящная блондинка – воплощение южной элегантности. Она была в сшитом на заказ голубом льняном костюме и со множеством золотых украшений.

– Привет! – сказала блондинка, приветствовав Лейси улыбкой, не затронувшей ее глаза. – У меня продолжается большая распродажа.

Собравшись с духом, Лейси улыбнулась в ответ и проговорила:

– Привет, я Лейси Кларк. Мы с сыном Генри недавно приехали из Лос-Анджелеса. Я выросла на Юге, а теперь вернулась домой. Сейчас ищу работу и зашла узнать, не нужна ли вам помощь.

Улыбка женщины померкла. Возможно, она была разочарована тем, что Лейси – не покупательница. Во всяком случае, она не потрудилась представиться. А Лейси смело продолжала:

– Скоро начнется летний сезон, я сумею позаботиться о том, чтобы ваш бутик стал популярным у клиентов. В этом можете не сомневаться.

– Боюсь, я ничего не могу вам предложить. – В голосе блондинки не было ни нотки дружелюбия.

– Понимаю. – Лейси сделала попытку еще раз улыбнуться. – Что ж, если что-то изменится... Я могла бы оставить вам свой номер телефона?

– Не думаю. – Блондинка покачала головой и встала. – Надеюсь, вы меня извините. Дела.

Генри взглянул на мать и спросил:

– Мы уже можем идти, ма?

– Да, конечно.

Лейси уже собиралась выйти, но тут женщина сказала:

– В «Бич-Бам-инн», кажется, ищут горничных. Туда часто обращаются матери-одиночки. Но если это вас не устраивает, то можете попытаться счастья подальше от моря. Там легче найти работу женщинам... таким, как вы.

– С чего вы взяли, что я мать-одиночка? И я, между прочим, работала личным ассистентом...

– Приберегите ваш рассказ для других, – заявила гарпия. – А мне нужно привлекать только самых лучших клиентов.

– Неужели? – усмехнулась Лейси. Она уже собралась ответить должным образом... и вдруг поняла, что ей не хватает решительности. Вероятно, что-то у нее в душе надломилось, когда Каллум ее бросил. Исчез кураж.

А женщина подошла к ней поближе и, понизив голос, спросила:

– Вы ведь живете на маяке? – Она смотрела на нее с явным неодобрением.

– Да, на маяке.

– Понятно... – протянула женщина. Интересно, что именно ей было понятно?

– Откуда вы знаете? – поинтересовалась Лейси.

– Индиго-бич – маленький городок. – Блондинка вскинула голову, и пучок волос у нее на голове, густо покрытый лаком, даже не шевельнулся. – Поэтому я всегда знаю, что и где здесь происходит.

– Генри, – сказала Лейси, не глядя на него, – подожди меня, пожалуйста, на крыльце. Только не спускайся с него.

– Хорошо, ма. – Мальчик быстро покинул магазин – ему тут было ужасно скучно.

Лейси же, взглянув прямо в глаза женщины, тихо проговорила:

– Вы меня совсем не знаете, но уже очень невзлюбили. Почему?

Блондинка злобно хохотнула.

– Вряд ли стоит так себя вести, когда у тебя ребенок.

– Вы о чем?

– Я слышала, что Бо Уайлдер был сильно пьян вчера вечером, когда забрел в винный магазин с повисшей на нем шлюхой. – Хозяйка бутика отвернулась и стала перевешивать одежду.

Лейси уставилась на блондинку с удивлением. Про какую шлюху она говорила? Неужели про нее, Лейси?

– Я не была с Бо Уайлдером в винном магазине, – спокойно проговорила она и порадовалась, что ее голос не дрогнул. Но руки, к сожалению, дрожали. – Если этот город действительно очень мал, то все должны знать, что он был там с блондинкой, а я – рыжая.

Хозяйка бутика бросила на нее взгляд через плечо.

– Ну да, пожалуй. У такого мужчины наверняка много женщин. Вас это не смущает?

– Если и так, то это – его личное дело, а не ваше. Что же до меня, то я не из его женщин. Мы просто живем в одном доме. Как друзья.

– Друзья? – Женщина взглянула на нее насмешливо. – Ладно, хорошо. Давайте называть вещи своими именами. Так вот, нам не нужны в Индиго-бич такие, как вы. Тут семейное место. И у нас – традиционные ценности. Так что вам и вашему ребенку лучше попытаться счастья в другом городе.

«Скажи что-нибудь. Ты же Грета, – говорила себе Лейси. – Ты же расстреливала инопланетян и выливала ледяной коктейль на головы неприятных тебе людей».

Но она стояла с закрытым ртом, не в силах произнести ни слова. Лейси никак не ожидала, что найдет в этом симпатичном магазинчике злую ведьму. Она уже успела позабыть, какими бывают южные красотки не первой молодости. Заставила себя забыть. Ей много раз приходилось видеть, как то же самое происходило с Шиной – столько раз, что не сосчитать. Высокомерные матроны с презрением разглядывали на ярмарках лоскутное шитье матери и уходили, обозвав ее произведения жалкими тряпками. И многие из женщин не скрывали своего отвращения к неопрятным волосам Шиной и ее застиранным вискозным платьям.

– У вас плохо со слухом, милочка? – спросила вдруг хозяйка бутика.

Лейси резко развернулась и вышла. Схватив Генри за руку, сказала:

– Пойдем.

Малыш не произнес ни слова. Он всегда чувствовал, когда что-то шло не так. Мальчик был очень чувствительный, и это означало, что ей придется изрядно потрудиться, чтобы защитить его от дурного окружения.

Подойдя к выдавшему виды санитарному автомобилю, она открыла дверцу пассажирского сидения и улыбнулась, глядя, как ее радость, смысл ее жизни усаживается на свое место.

Мальчик искоса глянул на нее и засмеялся.

– Я готов, ма!

– Вот и хорошо. – Она ласково улыбнулась сыну, радуясь, что тот ничего не слышал, и закрыла дверцу. Никто не унижит малыша, оскорбив ее, его мать.

Даже не взглянув в сторону магазина, Лейси уселась за руль и завела двигатель.

– Поедем дальше, – сказала она с улыбкой.

## Глава 5

Пробежка по пляжу не доставила Бо никакого удовольствия. Несмотря на свежий ветерок, красивый вид на Атлантику и безоблачное голубое небо, он не мог избавиться от стресса, что было совершенно ему не свойственно. Пришлось обратиться к фактам. Итак, ему предстояло сниматься в плохом кино, и теперь он жил с семьей. Но он не знал, что такое семья, тем более любящая. А его маяк – гигантская игровая площадка – теперь превратился в то, чем он должен поделиться. Все это означало следующее: ему придется стать правильным парнем.

Перспектива не вдохновляла. Он давно уже не был правильным парнем.

Немного подумав, Бо позвонил своему рекламному агенту Оливеру.

– Ты когда-нибудь слышал о Грете Гильденстерм?

– Кто же не слышал? – Оливер усмехнулся. – Взрывная штучка. Но плохая актриса. Каждую фразу произносит так, словно она – Скарлетт О’Хара, сражающаяся с янки. Кто играет ее теперь?

– Не важно. Она здесь.

– Что значит здесь? На съемочной площадке? – В голосе Оливера прозвучало раздражение, что было совсем для него нехарактерно; он считался самым спокойным рекламным агентом в Лос-Анджелесе и почти всегда сохранял полнейшую невозмутимость.

– Нет, не на площадке, – ответил Бо, продолжая бежать. – Она оказалась в моем маяке, когда я приехал. В общем, путаница в жизненных ситуациях. Я ничего не смог с этим поделать. Она отказалась уехать. Я тоже. Пришлось заключить перемирие.

Он не стал говорить, что Лейси пригрозила устроить шумиху в прессе, если он, Бо, ее вышвырнет. Оливер, скорее всего, понял бы это неправильно и обратил бы весь свой бойцовский пыл на мать-одиночку.

– Странно все это, – отозвался Оливер. – Впрочем, не важно. Если мне не изменяет память, она красotka.

– Память тебе никогда не изменяет. – Бо неожиданно почувствовал, что одна только мысль о Лейси возбуждает его, что было совершенно неуместно во время пробежки на общественном пляже.

– Главное – не пускай ее на площадку, – сказал Оливер.

– Я и не собирался. А почему не пускать?

– Неужели не знаешь?

– Нет. Говори же, Олли!

– Она приносит неудачу. Всякий раз, когда появляется на площадке, съемки идут кувырком.

– Неопытные актеры часто появляются в провальных фильмах, – пробормотал Бо. У него самого, разумеется, не было провальных фильмов. Пока не было. В данный момент он бежал к первому из них.

– Да, знаю, – усмехнулся Оливер. – Но говорят, с ней были и другие проблемы. Один режиссер с нервным срывом угодил в психушку, другой ушел из бизнеса. А у третьего начались неприятности с налоговой службой.

– А при чем здесь она?

– Понятия не имею. Но, помимо сомнительного актерского дарования, что, как мы оба знаем, не является определяющим фактором для некоторых режиссеров, после того, как тот бедняга отправился за решетку за уклонение от уплаты налогов, в Голливуде ее все обходят стороной. Предрассудки, наверное. Но все же... Видишь ли, она была единственной актри-

сой, занятой во всех трех фильмах. И кто-то сопоставил факты. Кстати, я слышал, что девица весьма самоуверенная. Баламутила всех на площадке.

Что ж, ничего удивительного. Эта девочка открыто бросила вызов Каллуму. И отчаянно сражалась, чтобы выжить его с маяка. Но он из-за этого не беспокоился.

– Спасибо за советы, Олли. Оказывается, я плачу тебе еще и как психотерапевту.

– Этот совет – бесплатно.

Они еще немного поговорили о спорте. Бо всегда болел за «Челси», что вызывало бурное негодование Оливера, который был страстным болельщиком «Ливерпуля». После этого разговор пришлось прервать – зазвонил телефон второй линии. Это оказалась Сара, его двадцатидвухлетняя кузина.

– Эй, Бо!

– Черт бы меня побрал! Моя любимая кузина!

– Твоя *единственная* кузина.

Бо ухмыльнулся. Он был один на пустынном пляже, но и здесь его нашли. Недостатки мобильной связи.

– Рад слышать твой голос, дорогая.

– Лично я слышу твой голос постоянно. Грейди непрерывно смотрит «Шторм на Юпитере». А теперь еще и «Сердцеед». Ты на самом деле свалился на грузовике с пирса?

– Нет, остановился в десяти футах от края. А дальше трюк снимали с дублером. Но я все равно лихой парень, правда? Я же пережил бал Святой Сесилии.

– И танцевальные карточки, заполненные именами самых грозных огнедышащих драконов Чарлстона, – проговорила Сара со смешком.

– Извини, что пропустил твой выпускной вечер, дорогая.

– Я же сказала, что ты прощен. Ожерелье и тур на Багамы, конечно, тебя не заменят, но все же они заставили меня почувствовать себя особенной. Спасибо.

– Я рад. – Сара заменила ему младшую сестренку, которой у него никогда не было. Она была единственной из членов семьи, о ком он думал, бывая в Лос-Анджелесе. Ему часто хотелось жить поближе к ней. – У тебя и Грейди все в порядке?

– Конечно. – Ее голос звучал чуть хрипловато. – Я слышала, ты в городе из-за очередного фильма. Об этом утром говорили по радио. Кто-то видел тебя – очень нетрезвым – в винном магазине в Индиго-бич.

– Мама знает?

– Даже не сомневайся. Но я звоню не из-за этого.

– Да, слушаю тебя. – Бо догадывался, что Сара хочет ему сказать. Голос у нее был радостный, пожалуй, даже торжествующий.

– Я замужем! – выкрикнула она. – Мы с Грейди слетали в Париж и произнесли брачные обеты в соборе Парижской Богоматери. Представляешь?! Мама и папа в шоке, но рады.

Бо громко рассмеялся.

– Счастливчик Грейди! Увел из-под носа всех чарлстонских женихов самую красивую невесту.

Сара тоже засмеялась.

– Ты же знаешь, что я не красавица.

– Определенно – красавица. Когда хочешь ею быть. Вы только недавно вернулись?

– Два дня назад. И представь себе, у нас будет свадебный бал! Очень скоро. Надеюсь, ты сможешь приехать. – И она назвала дату.

– Я обязательно буду. – В конце концов, по такому случаю он поговорит с Майком – режиссером – об изменении в расписании съемок.

– Боже мой, Бо, я уверена: все наши друзья – и мои, и мамыны – оборвут нам телефон, чтобы узнать, будешь ли ты.

– Напоминай всем, что я не ищу подружку.

– И даже не прельстишься одной ночью запретных наслаждений? – Сара снова рассмеялась. – Ты же знаешь, будет очень много женщин, готовых тебе их предложить. Причем мои подружки в том числе. Даже самые скромные из них становятся бесстыдницами, когда речь заходит о тебе.

– Это их проблемы. На сегодняшний день я очень занятой человек, и у меня нет времени на женщин.

– Ладно-ладно. Не могу дождаться, когда, наконец, тебя увижу. Да, и знаешь что, Бо?

– Что?

– Шарлотта Уоллис будет здесь.

– Ну и пусть. – Они встречались, когда им было по семнадцать лет, и у них были танцы по выходным, а также вечеринки во время рождественских и летних каникул. Потом, когда обоим исполнилось по двадцать пять, они провели безумную неделю в Аспене<sup>6</sup>. Отличный секс – и ничего больше. Никто из них тогда не был заинтересован в более серьезных отношениях. По крайней мере, в этом Бо уверяла Шарлотта.

Но в последние годы она не раз намекала его матери, что так и не смогла его забыть.

– Твоя мать считает, что она из-за тебя так и не вышла замуж, – сказала Сара. – И она – самая для тебя подходящая женщина в Чарлстоне.

– Я знаю. Мама напоминает мне об этом в каждом разговоре.

Сара опять засмеялась.

– Оказывается, все будет еще интереснее, чем я рассчитывала.

– Эй, мероприятие будет посвящено только тебе и Грейди. А я буду стоять у стены, сливаясь с обоями.

– Да, разумеется. Как же иначе?

Бо твердо решил, что постарается сделать все от него зависящее, чтобы так и вышло. Он не посещал чарлстонских приемов с тех пор, как стал актером, и сейчас не поехал бы, если бы не Сара – она для него слишком много значила. Ее мать была сестрой его матери, и обе являлись ревностными поборницами социальных условностей. Отец Сары был очень известным адвокатом, ни разу в жизни не совершившим неверного шага. Девочка полжизни провела в закрытых пансионах, прекрасно ездила верхом, и если и имела глубокие чувства к семье, то никогда их не проявляла.

Завершив разговор, Бо решил взять более высокий темп и в конце устроил спринт. Студия уже находилась прямо перед ним, и, добравшись до нее, он остановился, чтобы отдышаться.

Все здесь было хорошо ему знакомо, хотя скромные размеры студии, казались не очень-то привычными. Тут были трейлеры и два больших склада, на фоне которых одноэтажный офис, пристроенный к стене одного из них, выглядел совсем крошечным. У двери склада лежало какое-то киношное оборудование, которое еще не внесли внутрь. На фронтоне же склада виднелась вывеска – «СТУДИЯ ИНДИГО-БИЧ» – выполненная крупными синими буквами.

Бо сильно вспотел и утер лицо полой рубашки. Да, он много работал, чтобы добиться всего, что имел, но все же он – счастливый человек. Ему сопутствовала удача, и он не собирался с ней расставаться.

---

<sup>6</sup> Фешенебельный курорт.

## Глава 6

Женщина в «Превосходных вещах» – настоящая стерва, – решила Лейси.

Словно прочитав ее мысли, Генри сообщил:

– Мне она не понравилась, ма, потому что мы не понравились ей.

Бедный малыш... Он почувствовал враждебность этой женщины.

– Милый, мне очень жаль, но не все люди добры и приветливы. Но мы не сдадимся, правда?

– Правда.

Они припарковались у счетчика на оживленном перекрестке Герон-авеню и Сентр-стрит. Последняя заканчивалась длинным рыболовным пирсом, выдававшимся в море. Сентр-стрит являлась центром городской жизни и для гостей, и для местных жителей. Иди на запад по Сентр-стрит – и попадешь с островка, минуя узкий залив, прямо в Чарлстон.

Никто не обращал внимания на санитарную машину. Здесь вообще было довольно много самого разного транспорта. Лейси заметила несколько спортивных днюхоходов и множество мотоциклов, некоторые – с колясками; были также тандемы и велорикши.

В одном конце перекрестка находилась почта, в противоположном – магазин морских деликатесов. Кроме того, тут имелось какое-то заведение для серферов и еще – заправка. Накануне Лейси с сыном купили на заправке два хот-дога, по доллару каждый; они тогда только приехали в городок – ужасно уставшие и голодные после того, как провели в дороге четырнадцать часов.

Они вскоре обошли все магазины и офисы в округе, но Лейси так и не нашла работу.

– Ма, что будем делать? – спросил Генри.

– Все были с нами очень милы, – с улыбкой сказала Лейси. – Все, за исключением женщины из «Превосходных вещей».

Заправщик угостил Генри ириской, а в магазине морских деликатесов продавщица дала Лейси телефон женщины на Лорел-стрит – та присматривала за ее ребенком такого же возраста, как Генри.

– Это чудесная женщина, – заверила продавщица. – Я бы ни за что не доверила своего ребенка какой-либо другой.

Лейси поблагодарила за информацию и тут же спросила:

– Ты живешь на Индиго?

– Да, в дальнем конце. – Продавщица ухмыльнулась. – У нас, конечно, есть приезжие богачи, но местные не позволяют им превратить Сентр-стрит в Пятое авеню. Наш мэр – островитянин в пятом поколении.

Лейси снова улыбнулась. Слова собеседницы вселяли надежду.

– Пройдись по острову, – продолжала она. – Обязательно что-нибудь найдешь.

Лейси невольно вздохнула.

– Я уже была в «Превосходных вещах».

Женщина засмеялась.

– Тебе не повезло. Угодила прямо в змеиное логово. Это Бидди, настоящая ведьма. Она уверена, что сделала нам большое одолжение, когда несколько лет назад перебралась сюда из Чарлстона. Желает превратить островок в модный курорт. Если ты никак не пересечешься с ее кругом, все будет в порядке.

– Спасибо за совет, – ответила Лейси.

– Не позволяй Бидди вмешиваться в твою жизнь, – сказала напоследок продавщица.

Через несколько минут Лейси и Генри зашли в маленькую лавчонку, где купили хлеб, молоко, яйца и арахисовое масло. К сожалению, здесь тоже не было никакой работы, по

крайней мере на ближайший месяц. Ей предложили навеститься попозже. За магазинчиком находились два ресторана – один мексиканский, другой рыбный, а также два бара, переманивавшие друг у друга клиентов, и скобяная лавка, на стене которой был изображен гигантский красный краб.

– Ого!.. – Генри даже рот раскрыл, глядя на морское чудовище.

Лейси была рада, что малыш не капризничал. Было нелегко увезти его из Лос-Анджелеса, где он проживал все пять лет своей жизни.

В скобяной лавке работники также не требовались. В бары Лейси решила не соваться – слишком много проблем. А в рыбном ресторане сообщили, что действительно набирали персонал, но они отдавали предпочтение студентам колледжей, искавшим подработки на лето, причем ждали уже знакомых – тех, кто работал у них в прошлом году. Зато в мексиканском ресторане ей сразу предложили работу.

– Можете начать сегодня же, – сказала менеджер. – Мы неожиданно лишились работника.

– Вы не возражаете, если я сначала договорюсь с няней для ребенка? – Она взглянула на Генри – тот сидел, болтая ногами, на скамейке во дворе и не слышал разговора.

– Вы хотите сказать, что у вас нет няни?

Лейси кивнула.

– Пока нет, но у меня есть телефон женщины, которая присматривает за детьми. О ней очень хорошие отзывы.

Менеджер нахмурилась и пробормотала:

– Что ж, возвращайтесь, когда решите все ваши личные проблемы. И тогда, если место еще не будет занято, поговорим, хорошо?

– Я позвоню ей прямо сейчас, – выпалила Лейси.

– Ладно, хорошо, я подожду, – ответила менеджер со вздохом. Но Лейси не обиделась; она прекрасно понимала, что эта женщина думала о деле, а вот ей следовало подготовиться получше к этому разговору. Вероятно, она слишком спешила начать новую жизнь.

У няни не было ни одного свободного места до осени.

– Так что извините. – В трубке слышались веселые детские голоса. – Жаль, что я не могу вам помочь.

Лейси улыбнулась собеседнице, в упор смотревшей на нее, хотя ее разочарование было безмерным.

– Возможно, вы сможете порекомендовать мне что-нибудь другое? – с надеждой в голосе спросила она.

– Есть дневной детский сад на Герон-авеню. – Женщина сделала паузу. – Но я не стала бы вам его рекомендовать.

– Почему?

– Слишком много детей. Недостаточный присмотр. Поймите, я тоже мать. И я понимаю, что ребенку нужен нормальный уход. Вам следует переехать через мост. Там, в нескольких милях по шоссе, есть хорошее место. Но на оформление уйдет не меньше двух недель.

Тихонько вздохнув, Лейси проговорила:

– Но если так, если я могу устроить малыша только через две недели... Не могли бы вы придержать для меня это место? Я вас очень прошу.

Менеджер решительно покачала головой.

– К сожалению, не могу. Мне надо думать о деле. Если хотите, возвращайтесь через две недели. Кто знает, как сложатся дела...

Лейси молча кивнула. Значит, отныне и впредь она должна сообщать потенциальным работодателям, что сможет приступить к работе только через две недели. К тому же еще неизвестно, понравится ли ей то место, где придется устроить Генри.

Завтра утром они вместе отправятся туда и все увидят собственными глазами. А на сегодня поиски работы придется прекратить.

Они вернулись к машине, и Лейси осмотрелась. Все остальные дома на улице были жилыми. Только в самом конце находилось киностудия – так ей сказали в рыбном магазине.

– Посмотрим? – спросила она у Генри.

– Да, конечно! – воскликнул мальчик.

«Действительно, почему бы и нет?» – собравшись с духом, сказала себе Лейси.

Она покатила к киностудии и вдруг сообразила: «Ведь там Бо!»

Она вспомнила про хрустящие стоцолларовые купюры, которые он вручил утром, и твердо решила, что больше никогда и ни от кого не будет зависеть. Да, конечно, его появление на маяке можно было считать везением, однако... Он же актер! А с нее, Лейси, довольно актеров. Она теперь стала совершенно другим человеком.

Подъезжая к студии, Лейси сбавила скорость и, повернувшись к сыну, сказала:

– Здесь работает мистер Уайлдер. – Она нахмурилась, почувствовав, как сильно заби-лось сердце.

– Ему довольно далеко сюда бежать, – заметил Генри.

– Точно, – кивнула Лейси. – Мистер Уайлдер – актер. Ты понимаешь, что это значит?

– Нет. – Генри открыл отделение для перчаток и тут же захлопнул крышку.

– Это значит, что он притворяется... изображает других людей. И ему за это платят. Он играет роли в кино, а иногда выступает по телевизору.

– Да?.. – Генри наморщил лобик. – Но это же замечательно! Я тоже стану актером. Буду изображать Канатоходца или Железного Дровосека.

Довольная тем, что мальчик ее понял, Лейси с воодушевлением продолжала:

– Так вот, много лет назад мистер Уайлдер изобразил собаку в мультфильме. Пса Дадли, если точно. Сначала его работа заключалась в том, чтобы говорить голосом Дадли. А потом... – Она на мгновение задумалась. – Потом для Дадли придумали тело. Ведь если бы у него был только голос – было бы неинтересно. Поэтому его нарисовали на бумаге и раскрасили волшебными фломастерами. И он стал персонажем мультлика.

Генри в недоумении посмотрел на мать.

– Но мистер Уайлдер настоящий, – продолжила Лейси. – Он не мультяшный герой. Он родился, потом стал мальчиком – таким, как ты, а после уже – взрослым человеком. Теперь он мужчина. – Да еще какой мужчина! Лейси нервно откашлялась. – Ты меня понял?

– Да, конечно.

«Интересно, что именно он понял?» – подумала Лейси. Выражение лица Генри оставалось непроницаемым, и она, чуть помедлив, снова заговорила:

– Значит, тебе ясно, что мистер Уайлдер на самом деле вовсе не Дадли? Хотя без него Дадли бы не было. Он помог создать его – и появился мультфильм, который нам с тобой очень нравится. Мистер Уайлдер говорил в микрофон все, что произносил Дадли в мультфильме.

– Я понял. – Генри, похоже, совсем не расстроился.

Лейси улыбнулась, испытывая облегчение. Хорошо, что ей удалось все так толково и доходчиво объяснить мальчику. А тот вдруг спросил:

– Значит, я больше не могу его гладить?

Лейси со вздохом нажала на тормоз.

– Дадли не живет внутри мистера Уайлдера, малыш. И если ты гладишь мистера Уайлдера... то ты гладишь мистера Уайлдера, а не мультяшного пса.

Генри замер на мгновение. Потом вдруг со вздохом запрокинул голову, раскинул руки в стороны и уставился в потолок машины – вылитый «Мистер Драма».

Лейси насторожилась. Неужели ее объяснения огорчили мальчика, лишили иллюзий?

– Как глупо, – изрек он наконец и, взглянув на мать, рассмеялся.

Лейси тоже рассмеялась.

– Забавно, верно? – спросила она.

– Да, очень, а что же подумал мистер Уайлдер?

– Он подумал, что ты решил, будто он собака.

– Я так и решил, – пробормотал малыш.

– Я знаю.

Несколько секунд мать и сын смотрели друг на друга и улыбались.

Господи, как же она любила этого малыша! И, похоже, он все понял правильно. Так что зря она беспокоилась. Лейси понимала, что придавала всему, что связано с Генри, слишком большое значение, но ничего не могла с собой поделать. Возможно, если бы рядом с ней был мужчина, все выглядело бы иначе. Но отец Генри не хотел и слышать о ребенке, и она прекрасно понимала, что Каллум никогда не станет мальчику отцом – не тот он был человек.

Да и существовал ли вообще *тот* человек? Лейси понимала, что бездумный оптимизм – вовсе не выход. Она постаралась не думать о недавнем предательстве Каллума и поблагодарила Бога за то, что Генри всегда относился к отцу с безразличием.

Немного подумав, Лейси развернула машину и поехала обратно по Герон-авеню в сторону Сентр-стрит. Вскоре перед ними появились магазинчики розничной торговли, детский сад, спортзал, а также небольшие кафе и закусочные – в том числе лавка, в которой продавались пончики.

– Работай здесь! – завопил Генри.

– С удовольствием, – с улыбкой ответила Лейси.

На Лорел-стрит тоже стояли весьма внушительные дома, может быть, не такие вычурные, как на Герон-авеню, но крепкие и основательные, что свидетельствовало о достатке их обитателей.

– Красиво здесь, – пробормотал Генри, когда они проехали мимо небольшого пансиона, во дворе которого были расставлены розовые пластиковые фламинго.

– Мне тоже нравится, – совершенно искренне сказала Лейси.

Забавное место – городок Индиго-бич на острове Индиго. Неудивительно, что люди стекались сюда чуть ли не со всей Америки.

После Лорел-стрит следующей улицей, параллельной Герон-авеню, была Калико-стрит. К ней прилегали болота и соленый залив. На Калико находились начальная школа, небольшая клиника, кабинет дантиста и приют для бездомных животных. Но в основном здесь стояли скромные кирпичные или обшитые досками дома, где жили те, кто зарабатывал себе на жизнь тяжким трудом.

Калико-стрит вела к пристани и яхт-клубу. Здесь иногда попадались дома на колесах. И имелось одно недостроенное бетонное сооружение – Лейси не смогла определить его назначение.

В дальней части острова виды были такими же захватывающими, как и виды на океан. Через узкий залив протянулся мост, и повсюду стояли лодки и яхты – и на стороне Индиго-бич, и на противоположной. А с материковой стороны стояли в доке два рыболовецких траулера.

– Я рад, что мы сюда приехали, – сказал Генри. – Мне здесь нравится. Я бы хотел остаться здесь навсегда.

У Лейси заныло сердце.

– Я тоже, милый, – прошептала она.

– А нам обязательно отсюда уезжать, ма?

Лейси осмотрелась. Солнечные лучи отражались от зеркальной поверхности воды. Ей здесь очень нравилось. Она снова на Юге. Снова дома. Именно на этом участке атлантического побережья были ее корни. Ведь здесь родился ее отец...

– Пожалуйста, найди дом, в котором мы могли бы жить, – сказал Генри. – Я хочу покрасить свою комнату как футбольное поле. И хочу собаку. Мы с ней будем каждый день бегать по берегу.

Лейси хотела того же для своего малыша. Желала этого так сильно, что у нее задрожали пальцы, сжимавшие руль.

– Я обязательно уложу тебя в твою собственную постель, которая будет стоять в твоей комнате, в твоём доме. В нём будет коричневая входная дверь и будут цветы в синих глиняных горшках по обеим сторонам от нее. Ты вырастешь в этом доме, а когда станешь взрослым мужчиной и уйдешь в большой мир, чтобы вершить великие дела, я буду тебя ждать. Потом ты вернешься, и мы встретимся. Ты, наверное, женишься и приведешь в наш дом жену и детей.

Генри улыбнулся.

– Ненавижу девчонок. И я никогда тебя не оставлю.

– Тебе так нравится мое шоколадное печенье?

– Ага, – кивнул малыш.

– Наверное, нам придется начать с квартиры. Точнее – с квартирки. Маленькой. Но тем больше будет радости, когда у нас, наконец, появится дом.

Малыш взял ее за руку. Его ладошка была горячей и влажной.

– Ма, мне хотелось бы поплавать с дельфинами, которых я сегодня видел.

– Мне тоже.

– Значит, поплаваем? Обещаешь, ма?

Лейси с улыбкой посмотрела на своего маленького мальчика. И впервые в жизни поняла, что это значит – дать священную клятву. Она почувствовала, как по спине ее пробежали мурашки. И еще чувствовала любовь – огромную, как океан. Кроме того, она была уверена, что сумеет преодолеть все препятствия на своем пути. Лейси знала, что должна быть твердой и правдивой до конца.

– Конечно, малыш, – ответила она. – Обещаю. – Сказав это, Лейси поняла, что теперь у нее не было выбора. Обещания следовало выполнять. И она твердо решила, что выполнит свое обещание. Непременно выполнит. И не важно, через что ей для этого придется пройти.

Вскоре машина поехала обратно к Сентр-стрит. Генри то и дело подпрыгивал на оранжевом виниловом сиденье.

– Включи сирену, ма. Пусть нас все пропускают.

Лейси улыбнулась.

– Ты же знаешь, маленький, что мы не можем это сделать. А если сделаем, у нас будут неприятности.

Лейси вдруг почувствовала стеснение в груди. А ладони стали липкими. Ох, куда же она сейчас направлялась? Она посматривала то направо, то налево, надеясь увидеть место, где ей дадут работу. «Мне нужен знак», – подумала Лейси. Нужен был хоть какой-нибудь ориентир, чтобы не чувствовать себя такой потерянной, никому не нужной. Она не станет прятаться. Не должна. Она будет смелой.

Знак, нужен знак...

Сердце забилось чаще, и Лейси судорожно вцепилась в руль, стараясь не смотреть на Генри. Он всецело доверял ей, она не должна обмануть его доверие. А малыш, чуть приоткрыв рот, глазел по сторонам, хлопая длинными ресницами. На его милом личике не было тревоги – только неистребимое любопытство.

– Смотри! – вдруг завопил он, тыча куда-то пальчиком. – Я же говорил, что ты должна работать там!

В следующее мгновение Лейси увидела Бо Уайлдера в окне магазинчика, торговавшего пончиками.

## Глава 7

Бо столкнулся с новыми для него правилами. Горячие завтраки на съемочной площадке? Ничего подобного. Личный ассистент, решающий все бытовые вопросы? И его тоже не было. В конце концов он сам отвез своих коллег-актеров во главе с режиссером в магазин пончиков. И никто не посчитал чем-то из ряда вон выходящим, что признанная звезда – Бо Уайлдер – сидел за рулем студийного фургона. Кстати, открыв дверцу, он обнаружил на водительском сиденье старый картонный стаканчик от кофе, а с приборной панели пришлось убрать мусор, чтобы можно было ехать в город.

Если это место можно назвать городом. Индиго-бич – сложная мешанина из торговых компаний и жилых домов, сконцентрированных на краю земли, а его рыболовный пирс – гигантский деревянный восклицательный знак. На любого человека, оказавшегося здесь впервые, обрушивается бесконечное разнообразие цветов и оттенков, красочных вывесок и знаков; его не может не ошеломить множество самых разных людей, которых он увидит всего лишь за десять минут из окна магазинчика, торгующего пончиками. Но островок мал, и через некоторое время сумятица сглаживается, приобретает очертания некой упорядоченности.

Он мог бы представить себя жителем в Индиго-бич... мог бы, не будь он Бо Уайлдером.

– В душе твоего героя есть дыра, – сказал Майк Картер, режиссер. И очертил пончиком, покрытым шоколадом, круг в воздухе. Голос у него был глубокий и рокошущий – как гул мотора «харлея». – Большая круглая дыра, которую можно заполнить только...

В этот момент Бо увидел в окне, на другой стороне улицы, Генри и Лейси Кларк. Она показалась ему очень красивой. Этакой скромницей и одновременно женщиной-вамп. Генри же был похож на маленького босса – в солнечных очках, как у авиатора, и в шортах. Бо ухмыльнулся, прикрыв рот ладонью.

– Эй, Бо!.. – Майк – крупный мужчина с окладистой рыжей бородой – был в черной кожаной куртке с надписью «Mike's Pools» на спине и в такой же черной бейсболке.

– Я слышу, – сказал Бо, с трудом заставив себя вернуться к разговору за столом. – Я – как пончик. Мы все – большие пончики.

Почему-то никто не засмеялся. Бо покосился на двух других актеров, сидевших за столом. Симона Дэвис и Адам Монро молча кивали – словно старые мудрецы. Симона исполняла роль Моник, а Адам – Каллума.

Бо слизнул сахарную пудру с мизинца и отпил из чашки кофе. Авангардное кинопроизводство на постоянной основе сводило его с ума. Он надеялся, что найдет общий язык с другими актерами и между ними завяжутся дружеские отношения хотя бы на время; это компенсировало бы странности и нелепости происходящего. Но пока ничего не выходило...

Симона – главная героиня-любовница. Разумный выбор. Она была красива, как и Моник, но относилась к совершенно иному типу. В отличие от коротко стриженной блондинки Моник, она имела длинные иссиня-черные волосы. Фиалковые глаза были густо подведены, а в носу – бриллиант. Когда Бо задал ей простой вопрос – спросил, откуда она родом, – девушка ответила: «Я знаю, что я не Моник».

– Ну и что? Нам не нужна Моник. Ты тоже по-своему хороша.

– Пеория, штат Иллинойс. Но я не хочу об этом говорить, – заявила девица. И с тех пор она взирала на него с явным подозрением. Бо привык к восхищенным взглядам, и это было для него внове, даже слегка раздражало.

А Адам Монро, острый локоть которого постоянно вонзался в ребра Бо, напоминал стандартную модель из «Вог». Рубашка Адама была застегнута на все пуговицы, джинсы обтягивали его как вторая кожа, прическа же – волосок к волоску. Бо заметил, что если смот-

реть не прямо на него, а вроде бы мимо, так сказать, боковым зрением, то он становился немного похожим на Джеймса Дина. Больше ничего хорошего об Адаме он сказать не мог. Этот человек – нытик и претенциозный болтун. Бо решил, что будет стараться не обращать на него особого внимания.

– Так вот, насчет дыры в душе, – продолжал Майк. – Ее можно заполнить только в том случае, если герой изменится. Перемена необходима и обязательна. Ибо это суть...

– Может быть, желе или заварной крем? – ухмыльнувшись, перебил Бо, подтрунивая над Майком.

– Это суть дальнейшей жизни твоего героя, – заявил Майк, вскинув подбородок и сдвинув брови. – Может, хватит веселиться?

– Дай кофеину время! – На лице Бо играла дружелюбная улыбка, но он не собирался отступать. – Еще минута – и мы сможем поговорить о Фрейде, Адлере или даже Юнге.

Майк уперся ладонями в стол и чуть приподнялся, подавшись вперед. Стол жалобно заскрипел под тяжестью рыжебородого гиганта, голубые глаза которого лучились восторгом, даже дружелюбием.

– Ты мне нравишься, парень, – сообщил он. – Ты ведь уже играешь, разве нет? Ненавижу псевдоинтеллектуальное самодовольство. Ты это сразу ухватил. Ирония же в том, что некоторые люди считают, будто я всегда серьезен.

– Идиоты, – пробормотала Симона.

Адам тихо фыркнул, а Бо, пожав плечами, твердо решил продолжать в том же духе. И не важно, чем это кончится!

– А теперь – аутентичность. – Майк откинулся на спинку стула, и на сей раз заскрипел бедняга стул. – Аутентичность – это то, что мне нужно от актера. В роли должна быть правда, а не чушь. Чтобы не было никаких дырок от бублика... или пончика. – Он откусил сразу половину покрытого шоколадом пончика и стал энергично жевать.

«Вот как? А парень довольно наблюдателен и по-своему сообразителен», – подумал Бо. Это немного смущало и даже отчасти раздражало. Но он надеялся, что легко справится с этим эпизодом в своей карьере и вскоре забудет о нем.

Бо снова посмотрел в окно. Теперь Лейси и Генри переходили улицу. Она крепко держала сына за руку, внимательно следя за дорогой. Никто не мог не обратить на нее внимания – было невозможно не заметить волосы цвета «Я люблю Люси» и задорно покачивавшийся «конский хвост». И они явно направлялись за пончиками...

Тут Генри перехватил его взгляд и принялся размахивать рукой, подпрыгивая от возбуждения. Бо приветствовал малыша, приподняв свою чашку. Но как же он узнал в нем Дадли?

– Таким образом, ты вдохнешь в Эвана жизнь, – говорил тем временем Майк.

«Монро не смог бы вдохнуть в кого-либо жизнь, даже если бы очень этого захотел», – подумал Бо, не в силах оторвать глаз от подрагивавших при ходьбе грудей Лейси. Впечатляющее зрелище. Хорошо, что она не видела, как он пялится на них.

– Бо, черт бы тебя побрал!

Он в недоумении воззрился на режиссера.

– В чем дело?

– Я сказал, что не могу дождаться, когда ты возьмешься за Эвана.

– Не Эвана, а Ксандера, – напомнил Бо. – Главная роль. Не ахти какая, но все же лучшая из имеющихся.

– Нет! – Майк положил в свою чашку ложку сахара. – Именно Эвана.

– Повезло. – Симона ухмыльнулась. – Тебе придется умереть в конце.

– Точно! – подхватил Адам. – А вот обо мне никто не заплачет.

– Вы шутите, да? Разыгрываете меня? – Бо обвел взглядом людей, сидевших за столом. А кто играет Ксандера?

– Я, – заявил Адам.

Бо указал на него пальцем и повернулся к режиссеру.

– Он – Ксандер?

– Да. – Майк помешивал сахар в чашке с кофе. Звяканье ложки действовало Бо на нервы.

– Но как же так?.. Каллум же говорил...

– Каллум здесь не командует, – перебил Майк. Он сжал кулак и опустил его на стол. – Адам играет Ксандера. Ясно?

Бо невольно нахмурился. Выходит, Монро, этот кусок дерьма, получит девушку, а он, Бо, умрет медленной мучительной смертью, поскольку слишком туп и не поймет, что его отравили... Но ведь он уже выучил реплики Ксандера из первой половины сценария!

Бо вскочил на ноги и сбросил на пол пончик Симоны, который она положила на край стола.

– Ничего не выйдет! – заявил он.

– Успокойся, Бо... – Борода Майка колыхнулась, потому что дверь открылась и в помещение ворвались потоки морского воздуха.

Когда же в магазинчик вошли Лейси и Генри, Бо внезапно все понял. Это она принесла ему несчастье! Достаточно было того, что он одну ночь провел с ней под одной крышей. Результат, как говорится, налицо. Да-да, именно она во всем виновата.

– Генри, подожди! – крикнула Лейси. – Мистер Уайлдер занят.

Но мальчик ее не слышал и бежал напрямик к Бо. И малыш был так взбудоражен, что не заметил, как его темные очки съехали на самый кончик носа. Он схватил актера за руку и заявил:

– Мистер Уайлдер, теперь я знаю, что ты – не собака!

Бо тихо вздохнул. Он должен был проявить терпение и дружелюбие, хотя ужасно злился на Майка. И на Лейси – тоже. Пусть даже он не верил в рассказы о людях, приносящих несчастье.

Опустившись на стул, Бо заставил себя улыбнуться малышу и сказал:

– Что ж, я очень рад.

Еще хорошо, что Генри не упомянул про мультфильм, иначе на него, на Бо, был бы навсегда навешен ярлык мультяшного пса. Хотя роль Эвана – неудачливого любовника и клинического идиота – едва ли лучше. Судя по всему, эта роль станет неизгладимым пятном в его карьере. Следовало срочно связаться с Оливером.

Тут Генри дернул его за руку и спросил:

– Ты съел пончик?

– Целых два, – ответил Бо, одновременно набирая текстовое сообщение для Оливера: «Все пошло к черту. Готовься к длительной кампании по сокращению негативных последствий». – Тут очень хорошие пончики. Особенно те, что со шпинатом.

Малыш радостно заулыбался.

– Ты шутишь, да?

Бо пожал плечами.

– Возможно.

– Я хочу, чтобы мама здесь работала, – сообщил Генри.

Бо взглянул на Лейси. Она выглядела юной и невинной. Совершенно невинной. А ведь, может быть, именно из-за нее «Инопланетяне» остались на плаву. По правде говоря, Бо нравился этот фильм. Плохой сценарий, плохой актерский состав, плохой оператор, плохой режиссер. Но именно ее присутствие придавало посредственной продукции некий шарм и

даже намек на достоверность. Примерно то же происходит и в диснеевском «Маленьком мире»: ты веришь, что действительно попал в тихий мир цвета, движения и музыки, хотя точно знаешь, что на самом деле сидишь в разболтанной старой машине, которая описывает круги вокруг компании бумажных кукол. Но, к сожалению, он не видел Лейси в других фильмах.

– Генри, нам пора идти. Мистер Уайлдер занят.

Ему показалось или в ее голосе действительно прозвучал упрек?

– Нам нужно найти менеджера, – добавила она.

И тут Бо твердо решил, что не верит в людей, приносящих несчастье. Более того, слухи о подвергнутой остракизму в Голливуде Лейси Кларк даже придали ей дополнительную привлекательность, вызвали его к мужским инстинктам. Ведь всем известно, что настоящие мужчины должны защищать слабых и уязвимых. Если женщина на рельсах и приближается поезд, мужчина должен спрыгнуть к ней и спасти. Однако сейчас...

Чем быстрее она вернется к поискам работы и скроется с глаз, тем лучше. А он должен немедленно сказать своим коллегам по киноискусству, чтобы катились ко всем чертям, что никто не заставит его играть эту грусную роль...

– Извини, мне надо было дописать сообщение, – сказал он мальчику.

– Ничего, все в порядке, – ответил Генри.

Разумный парень. Хотя ему всего пять лет. Бо достал бумажник, нашел пятидесяти-долларовую купюру и передал малышу.

– Вот. Купи себе пончик. Сдачу оставь себе.

– Ух ты!.. Спасибо!

Но Лейси тут же взяла деньги из рук сына и протянула Бо.

– Пончик стоит намного меньше пятидесяти долларов. Но все равно спасибо. Поверьте, мы сами справимся.

Бо окинул ее пристальным взглядом и убрал купюру обратно в бумажник. Она явно не считала его себе подобным. Для нее он был представителем голливудской элиты. Увы, он не имел практики общения с покупателями в магазине пончиков или в «Макдоналдсе» и ничего не знал о принципах взаимоотношений с пятилетним ребенком.

– Сдача предназначалась для оплаты его обучения в колледже, – попытался отшутиться Бо. К сожалению, не удалось.

– Спасибо, не надо. Я обо всем позабочусь, – заявила Лейси. – А когда Генри подрастет, то сам сможет зарабатывать деньги на свое образование.

Ну-ну. Бо совершенно определенно знал, что не намерен наслаждаться ею в роли внимательной мамы. Иначе ему пришлось бы вспомнить, как неловко себя чувствовала его собственная мать в этой роли.

– Кто эти люди, Бо? – неожиданно громко спросила Симона. – Кажется, мне говорили, что ты здесь вырос. Так и есть?

– Да, – ответил Бо. Он вырос в Чарлстоне, но вовсе не собирался афишировать этот факт. К счастью, в Википедии о его детстве и юности рассказывалось без подробностей.

– Вы его старая подруга? – спросил Адам.

Некорректный вопрос. Но он был задан, так что придется отвечать. Бо и Лейси обменялись взглядами. Наверное, им следовало заранее согласовать возможные варианты, но теперь уже слишком поздно.

– О, подождите... – Адам щелкнул пальцами. – Я вас узнал!

– Я не она, – поспешно ответила Лейси. – Я всего лишь на нее похожа. – Она достала из кошелька доллар и две монеты по двадцать пять центов, отдала деньги Генри и предложила выбрать на прилавке пончик.

Мальчик резво побежал к прилавку.

– Нет, вы – это она! – Адам оказался удивительно настойчив.

Бо едва сдерживался. Он чувствовал, как его раздражение рвалось наружу.

– Ваши волосы говорят сами за себя, – добавил Адам.

– Честно говоря, я не...

– Вы – та самая девушка, которая изображена на стене ресторана в деловом центре Чарлстона, – не унимался Адам. – «Хомини-гриль», кажется.

Морщинки на лбу Лейси разгладились.

– Это точно вы, – продолжал Адам. – У вас там такой... классический облик в униформе официантки 50-х годов прошлого века. Не понимаю, с какой стати вы это отрицаете.

Симона пожала плечами.

– Кто же захочет, чтобы тебя знали как «девушку со стены»? Она ведь там ростом... футов в пятнадцать. Один только нос – шесть с половиной дюймов в ширину.

– Добросовестная работа, – заметил Майк.

– У вас прекрасный носик, – сказал Адам. – Задорный...

– А что «девушка на стене» несет в миске? – спросила Симона у Лейси.

– Кукурузную кашу, – ответил Бо. Он много раз бывал в «Хомини-гриль».

– Никогда не пробовал кукурузную кашу, – сообщил Адам.

Бо невольно поморщился, а Лейси проговорила:

– Попробуйте при случае. Это довольно вкусно.

«Странно, но, судя по выражению ее лица, у нее даже не возникло желания придушить наглеца, – подумал Бо. – Неужели он ей понравился? Быть того не может! Или может?... При мысли об этом Бо разозлился еще больше, и ему вдруг ужасно захотелось схватить первый попавший стул, швырнуть его в окно, а затем выскочить на улицу и надрать кому-нибудь задницу. Хорошо бы сейчас случилось фальшивое ограбление на заправке или инсценированное похищение на пирсе... Тогда он смог бы разобраться с плохими парнями несколькими хорошо поставленными зрелищными ударами или холостыми выстрелами. Был бы уместен еще фон в виде взрыва. Неплохая вышла бы сцена. Лучше всего, конечно, дополненная гоно-раром в пятнадцать миллионов долларов.

Майк улыбнулся Лейси и спросил:

– Откуда вы знаете Бо?

Тут Генри подбежал к матери, держа в руке шоколадный пончик. Взглянув на режиссера, он сообщил:

– Мы живем вместе на маяке.

Симона хихикнула и осведомилась:

– Неужели это правда?

– Но не навсегда, – ответил Генри, радостно пританцовывая. – Когда-нибудь нам придется уехать. – Малыш тараторил и тараторил, спеша сказать как можно больше, пока его все слушали. – Но мы все равно останемся здесь, в Индиго-бич. У меня будет комната, покрашенная как футбольное поле. Мама купит дом с красной дверью и растениями в голубых кадках перед ней. – Он выдохнул и добавил: – Вы сможете к нам прийти. Мама всегда будет печь шоколадное печенье.

Глаза Лейси стали грустными, и она пробормотала:

– Когда-нибудь так и будет, малыш...

– Когда-нибудь, но очень скоро, – пояснил Генри. – Потому что мама обещала.

Выражение лица Лейси едва заметно изменилось. Теперь она выглядела жутко сексуальной, совсем как плохие девчонки из фильмов Бо. Но еще больше – как Грета Гильденстерм.

Бо почувствовал себя очень неудобно. Но надо было что-то сказать.

– Мы с Лейси давно знакомы, – сообщил он.

– Как давно? – спросила Симона.

Чуть помедлив, Лейси ответила:

– Мы жили по соседству, когда были детьми.

Бо не знал, куда их заведет эта ложь, но в конце концов... какая разница? Но лучше бы ей не говорить, что он ей как брат. На сегодня с него, пожалуй, хватит...

Майк присвистнул и пробормотал:

– Значит, вы выросли в Бэттери? В Чарлстоне? Там, где раздались первые выстрелы Гражданской войны?

– Угу, – буркнула Лейси. Ее щеки порозовели, но она решила, что ей придется держаться этой лжи.

Правда, у Бо имелись сомнения относительно ее актерских способностей.

– Там живут очень богатые люди, – заметил Адам. – Первоклассная недвижимость.

– Всякая, – ответила Лейси. – Мой дом был... очень уютным и маленьким. Ничего особенного.

– Не смущайтесь, – вмешался Майк. – Все мы знаем, что уютный дом в Бэттери – это особняк с восемью спальнями. Семья Бо – мультимиллионеры, не так ли, Бо?

– Я бы не стал утверждать, что у нас так уж много миллионов, – нахмурившись, отозвался Бо.

Лейси метнула в его сторону быстрый взгляд, но ведь не его вина, что он родился с серебряной ложкой во рту. И он не станет участвовать в отнюдь не вежливом обсуждении финансового состояния его семьи. Богатые парни с Юга не говорят о деньгах – разве что со своими биржевыми маклерами, финансовыми директорами или отцами, когда те уже на смертном одре; но даже и тогда разговор ведется благопристойно и скромно.

– Все вы здесь – очаровательные люди, – пробормотала Симона. – Готовы для Бо на что угодно. В хорошем смысле, конечно.

– Разумеется, – вклинился Адам. – И если Лейси выросла в Бэттери, то здесь, естественно, для того, чтобы поприветствовать Бо, поздравить его с возвращением в Южную Каролину, разве нет?

Лейси заправила за ухо прядь волос.

– Ну, услышав, что Бо возвращается сюда, чтобы тут сниматься, я решила, что он сможет составить нам компанию на маяке.

– Мне необходимо много внимания, – сообщил Бо. – Мы, южные парни, все такие.

– Так он острее чувствует свои корни, – добавила Лейси. – Для нас он не кинозвезда, а добрый сосед.

Бо попытался изобразить улыбку, а Генри, выглянув из-за маминой юбки, сообщил:

– И он еще не знает, есть ли у него суперсила или нет.

Через несколько секунд Лейси и Генри ушли, а Бо, проводив их, вздохнул.

– Я все понял, – заявил Майк. – Это девочка, с которой ты в детстве переговаривался через забор. Но значит ли это, что старое пламя разгорелось с новой силой?

– Мы всегда были просто друзьями. Никакого пламени. Никакого секса. Мы даже не целовались, и я ни разу не шлепнул ее по аппетитной попке.

– Зато теперь вы живете вместе, – заметила Симона. Интересно, с чего это ее так разобрало? Сцепила пальцы с такой силой, что даже костяшки побелели. А ее длинные серебристые ногти напоминали когти хищной птицы...

– Совсе не вместе, – пробурчал Бо. – Просто в одном доме.

Но никто ему не поверил. В таких случаях говорится: этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. Решив, что обязан довести дело до конца, чтобы коллеги пере-

стали строить предположения, Бо обвел взглядом магазин, после чего тоном заговорщика проговорил:

– Она совсем недавно решила, что хочет жить обычной жизнью, желательно – вдали от высшего общества, в котором выросла. Поскольку же я как раз сейчас приехал сюда и некоторое время проведу здесь, то смогу немного ей помочь, пока она не освоится и не найдет работу.

– Насколько я понял, она мать-одиночка, – сказал Адам. – Наверное, родители Лейси не одобряют ее поведения, потому и выгнали из дома без единого цента.

– Не исключено, что для нее выбрали идеального во всех отношениях аристократа, – предположила Симона. – А она влюбилась в другого парня, и родители оскорблены до глубины души.

– Как в «Дневнике памяти», – добавил Майк.

– Нет, это слишком мелко, – возразила Симона. – Возможно, ее жизнь в опасности.

«Как они, однако, увлеклись» – подумал Бо. И тут же проговорил:

– Нет, Симона, ей действительно нужна работа. И больше ничего. – Ему не хотелось развивать эту тему. И вовсе не потому, что он был принципиальным противником лжи. Просто следовало согласовать свою историю с Лейси. Для этого необходимо было с ней переговорить... и тогда между ними опять полетят искры.

– Тем не менее она не просто бедная богатая девушка, – заявил Майк. – Она – «девушка со стены». В ней есть что-то от иконы. Массовая культура. Эмоции.

Бо не нравились подобные разговоры Майка. Но сейчас его главная задача – прикрыть собственную задницу, иначе репортеры из таблоидов сделают Лейси его новой подружкой и начнут придумывать истории... одна другой фантастичнее.

Осмотревшись, Бо оглянулся и увидел, что Лейси беседует с владельцем магазина. Ее губы были такого же цвета, как любимая помада его матери. Их оттенок немного диссонировал с цветом волос, но в целом образ смотрелся неплохо. Так на скатерти в красную и белую клетку хорошо смотрится любая тарелка, какую ни поставь. Потому что дело не в цвете, а в ощущении. А ощущение от Лейси – как на пикнике. Вспоминались яблочный пирог и мороженое. Возможно, еще холодное пиво и фрисби. А также хороший секс в тени развесистого дерева на берегу реки.

Неожиданно лицо Генри вытянулось. У его матери – тоже. Но она тут же взяла себя в руки и улыбнулась сыну.

О черт, похоже, Лейси не получила здесь работу. Следовательно, хозяин – глупец. Он должен был ее нанять. Хотя, возможно, ему просто не нужен еще один работник. Увы, реальность далеко не всегда такова, как хотелось бы.

Тут хозяин заведения взял из коробки шоколадный пончик и протянул его Генри. Что ж, он, Бо, сделал бы в подобной ситуации то же самое. С пончиками жизнь кажется лучше...

Генри криво улыбнулся мужчине. Мальчику его возраста трудно понять, что кто-то может не желать, чтобы его мама погружала жареный пончик в шоколад или в глазурь и посыпала чем-нибудь разноцветным.

– Я должен с ними попрощаться, – сказал Бо своим коллегам. Впрочем, он едва ли мог называть так Адама с Симоной, а вот насчет Майка вопрос оставался открытым.

Встав из-за стола, Бо с удовольствием потянулся. Он знал, что прекрасно выглядел в джинсах и в рубашке стального цвета. Элегантно и в то же время достаточно консервативно. Таков был его стиль. А почему бы и нет? В конце концов, в его родословной одни только джентльмены-южане. Но только Лейси, похоже, не обращала на него внимания. Она уже открыла дверь и приготовилась уходить.

Как? Даже не попрощавшись?

## Глава 8

– Эй! – окликнул ее Бо со своего конца магазинчика.

Да, именно так – со своего конца. Место, где он находился в каждый данный момент, всегда становилось *его* территорией.

– Да, слушаю. – Лейси остановилась и обернулась к Бо, выглядевшему потрясаяще в своем «костюме южанина», который обычно дополнялся разукрашенным ремнем. Его ремень был черный, с белыми пиратскими черепами.

– Я просто хотел пожелать вам удачи, – сказал он, но не улыбнулся.

Лейси кивнула.

– Спасибо.

И в этот момент случилось нечто необычное. Большой мужчина с бородой и в остроконечной шапочке встал из-за стола и сказал ей:

– Юная леди, я вас беру. Вы мне нужны.

Бо нахмурился, а Лейси пробормотала:

– Э?.. Меня?.. – Ей отчаянно хотелось сжать кулаки и зажмуриться, но она усилием воли оставалась спокойной.

– Именно так, – подтвердил Остроконечная Шапка. – Думаю, вы здесь мне будете очень кстати. Вы многогранны, как бриллиант.

– Я? Вы про меня? – Да он поэт, оказывается. Или просто большой фантазер.

– Жемчуга, Майк, – сказала меланхоличная черноволосая женщина, сидевшая за тем же столом. – Здесь носят жемчуга.

– На ней нет никаких жемчугов, – отметил тощий парень в застегнутой на все пуговицы рубашке.

– Это потому, что она их отвергает! – выпалила женщина. – Их и все, что с ними связано.

– И она является воплощением Настоящей Женщины, – сказал тощий парень, то есть Адам. – Отсюда и рисунок на стене.

Лейси в досаде прикусила губу. Хорошо бы знать, что Бо рассказал им о ней, кроме того, что она якобы из богатой семьи. Но если ей действительно предложили работу...

– Так вы будете работать у меня? – спросил бородатый мужчина. – Я – Майк Картер, режиссер картины «Цветы от сердца».

Надо же, режиссер!.. Получается, что она проехала почти всю страну, вернулась на восточное побережье, чтобы начать все заново – и опять оказалась в окружении киношников. И все из-за Бо! Ну почему он ворвался в ее жизнь?

Пожав плечами, Лейси пробормотала:

– Я не знаю... – Она уставилась на коробку с пончиками, яркую и бросающуюся в глаза. – То есть не знаю, что такое игра, кино, актеры... Если, конечно, не считать Бо, которого я не видела...

– Десять лет, – подсказал он.

– Да, верно. Так что я ничего не знаю о вашей работе. – Наверное, это была вполне разумная ложь, но сейчас Лейси думала вовсе не об этом. А о том, что чувствовала, находясь рядом с Бо. Похоже, в такие моменты она спрашивала себя: «Интересно, а хорошо ли он целуется?»

– Кино никогда не входило в планы Лейси, – сказал Бо, повернувшись к Майку. – Мне кажется, она больше склонна... – Он умолк, давая ей шанс с честью удалиться.

Лейси взглянула на Генри и поняла, что не может отказаться от работы. Даже от *такой* работы.

– Если честно, я еще не поняла, к чему больше всего склонна, – пробормотала она. И это была чистейшая правда.

– Не важно, – с улыбкой отозвался Майк. – Много денег – это всегда отвлекает. В том-то и проблема...

Увы, такой проблемы у нее никогда не было. Так что, вероятно, и оправдания тоже не было.

– Не беспокойтесь, юная леди! – Рокочущий голос Майка вступил в состязание с тараканьем машины с пробитым глушителем, проехавшей по улице. И Майк вышел победителем! – Вы мне не нужны на съемочной площадке, хотя, вероятно, часто будете где-то рядом.

– Да? – Лейси положили руку на плечо Генри. Ей хотелось почувствовать опору. – И где же я вам буду нужна?

Вот и настал момент истины. Сейчас он скажет, что ему нужен помощник режиссера. Все знали, что это значило. Девочка на побегушках, отвечающая за все, вынужденная обхаживать актеров и актрис, в которых не осталось ничего человеческого – только дьявольское честолюбие. Таких людей в Голливуде было великое множество.

– Мне нужна няня для близнецов, – изрек Майк.

Лейси приказала себе не волноваться. И не радоваться раньше времени. Да, Генри нужны друзья, но, возможно, эти близнецы намного старше. И если так, то она откажется (кстати, голливудская публика нередко использовала своих почти взрослых детей, чтобы совратить няню).

– А сколько им лет? – спросила Лейси. И затаила дыхание в ожидании ответа.

– Шесть.

«Аллилуйя!» – мысленно воскликнула Лейси.

– У меня мальчик и девочка, – продолжал Майк, и в его голосе слышалась такая любовь, что Лейси сразу успокоилась. Было ясно, что это достойный человек, что ему можно доверять. – Мне нужна женщина, которая присмотрела бы за ними и поддержала их тягу к чтению и играм на свежем воздухе.

– Мне нравится эта идея, – сказала Лейси. – Но почему я? Почему не проверенная няня из агентства?

– После смерти их матери за ними присматривала моя старшая сестра Джо-Джо, но она, к сожалению, уехала. – Майк помолчал. – И мы не знаем, когда она вернется. Джо-Джо сказала, что ей необходим отдых.

«Все очень плохо», – прочитала Лейси в глазах Бо. И у нее возникло такое же чувство. Ей хотелось узнать, давно ли Майк овдовел, но спрашивать было неловко. Но в любом случае она потянулась сердцем к нему и его детям.

– Мне очень жаль, – пробормотала Лейси со вздохом.

Майк пожал массивными плечами и тоже вздохнул.

– Она оставила предсмертную записку на столе в моем трейлере, а потом... Что ж, мне надо работать... – А остальное... – Он помолчал. – В общем – не важно. Я обратился к вам, поскольку увидел, что вы хорошая мать. Но у вас есть опасения, верно? Это естественно. Для вас все слишком неожиданно. Так что я, пожалуй, обращусь в местное агентство.

– Нет! – воскликнула Лейси – и сама себе удивилась. – Пожалуйста, не надо. Мне очень нужна работа. Но, конечно, мне хотелось бы узнать побольше, прежде чем я приму ваше предложение. Для начала... Сколько вы готовы платить?

Майк назвал сумму – почасовую оплату, значительно превышающую ту, на которую она могла рассчитывать, работая официанткой даже с очень хорошими чаевыми. А в магазине о такой оплате и речи быть не могло.

– Поверьте, накапливается много часов, – добавил режиссер. – Ведь иногда мне приходится работать по восемнадцать часов в сутки.

«Деньги, деньги, деньги!» – мысленно воскликнула Лейси.

– Что ж, плата кажется мне справедливой, – сказала она, стараясь не показывать нарастающего волнения. – Что еще я должна знать? – Сначала она все выяснит, а потом озвучит свое требование. Генри будет с ней, вот так-то!

Майкл улыбнулся и пробормотал:

– Знаете, есть одна сложность...

Что ж, понятно... Иначе он не предлагал бы такую высокую плату.

– Какая именно? – спросила Лейси.

– Вам придется иметь дело еще и с отцом моей покойной супруги. – Майк вздохнул. – Дики – вздорный старик. По любому поводу имеет свое мнение и всегда его высказывает. У него бывают моменты просветления, и тогда он становится даже приятным, но в основном... Для общения с ним требуется ангельское терпение, – добавил Майк, помрачнев.

– Думаю, я с этим справлюсь, – сказала Лейси.

– И еще одно...

– Что-то еще?

– Видите ли, Дики – патологический лжец. Все началось двадцать лет назад, после смерти его жены.

Лейси прикусила губу. Очень грустно. И нездорово. Интересно, как скажется на Генри то, что он будет проводить время с таким человеком?

– Ну... я не знаю...

– Все, что он говорит близнецам, у них влетает в одно ухо и тут же вылетает из другого, – заверил режиссер. – Так что за них я не тревожусь. А вот взрослых людей он иногда раздражает.

Лейси покосилась на Бо. И ей вдруг показалось, что выражение его лица изменилось, стало... как бы встревоженным. И невероятно сексуальным. Впрочем, ее это не интересовало... А вот сидевшая рядом с киношниками черноволосая девица слишком уж медленно разворачивала пластинку жевательной резинки, болтая под столом ногой. При этом тонкий высокий каблук то появлялся в проходе, то снова исчезал. А тощий парень не отрывал глаз от своего телефона, тыча в него пальцем и не обращая внимания на окружающих. Возможно, все они знали, в какой ситуации находился Майк. Или... что-то другое?

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.